

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

16+

Рута Шейл

#ДВОЕДУШНИК

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

Annotation

Заброшенная гостиница, старая водокачка, мрачный пустой корпус психиатрической лечебницы – мертвые дома, которые ждут мертвых людей. Что заставляет молодых девушек приходить сюда ночью, чтобы потом бесследно исчезнуть? Ответов нет, и только странный парень, утверждающий, что у него две души, берется разыскать свидетелей похищений. Тех, о ком говорится в городских легендах. Тех, кто давным-давно погиб в этих стенах, но все еще остается там – и знает правду. Знает и готов рассказать...

«Двоедушник» – это мистический роман о том, какие тайны скрывает изнанка города, о тьме внутри и снаружи, об одиночестве вдвоем и путешествии туда, откуда никто еще не возвращался.

Рута Шейл

Двоедушник

© Рута Шейл, 2016

© М. Козинаки, фотография на обложке, 2016

© А. Лисин, модель на обложке, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Лицо города

Сидит на ступенях. Смотрит в стену. Точнее, в то, что от нее осталось. Желтая штукатурка. Остатки лепнины. Полуколонны в сколах и трещинах.

Горело здесь все, что ли? Рухнувшие перекрытия черные, словно покрытые копотью.

Вслушивается. Медленно встает. Тянется за оружием.

Он позвал их, и они пришли. Всегда приходят.

На этот раз двое. В спецовках или униформе, как у пожарных. В темноте не различить.

Секунда на то, чтобы принять решение. Две – на прыжок.

Он сбегает вниз по остаткам лестницы, когда ступеньки обрываются, перемахивает через перила.

Кусок арматуры и самодельный нож против двух его кистеней.

Он мог бы покончить с этим очень быстро, но нарочно не торопится.

Цепи в его руках набирают скорость. Сам не двигается. Только кисти. Как на тренировке. Ничего нового.

Лунный свет играет на металле. Стремительно вращающиеся цепи образуют два серебристых круга.

К нему невозможно подобраться. Те двое, кажется, тоже это понимают. И не пытаются.

И вдруг – скользящий шаг вперед, еще один – в сторону. Между ними – поворот, замах. Арматурина с лязгом откатывается в угол. А тот, кто ее держал – бесшумно, – к стене. Другой на его месте, наверное, умер бы. *Но этот и так мертв.* Снова вскочил, метнулся в центр зала – и был отброшен с накрепко стянутыми цепью запястьями.

Вторая по-прежнему рассекает воздух.

Я знаю, что будет дальше. Просто чувствую. Игни, черт. Прекрати. Не делай этого!

Конечно же, он делает. Вскидывает левую руку вверх – жест приветствия, адресованный мне, – и следом молниеносно обхватывает ладонью лезвие направленного в него ножа.

На-ме-рен-но!

Не могу этого понять. Он должен, ДОЛЖЕН чувствовать боль! Мы не слишком-то разные. Оба – телесны, материальны, осязаемы... Не знаю, как еще выразиться.

Должен... Но он не чувствует. Даже в лице не изменился. Сделал то, что хотел, – теперь расправляется с ними, быстро и методично.

Я просыпаюсь не сразу. Проходит достаточно времени, чтобы постельное белье пропиталось кровью.

Едва открыв глаза, ругаюсь в полный голос, дую на рассеченную ладонь и пулей вылетаю из постели в поисках аптечки. При этом бьюсь затылком о второй ярус кровати. Никак не привыкну.

Как я и подозревал, аптечки здесь нет.

Хватаю первое попавшееся полотенце – кажется, соседское, – наматываю на руку, стараясь не рассматривать рану. Не смотрю, но чувствую. Похоже, все плохо.

Босиком бегу в ванную комнату, хлопаю дверь перед носом менее расторопного соседа по общаге. Отбрасываю ткань и сую ладонь под холодную воду.

Правой рукой нащупываю забытую кем-то пачку сигарет. Тащу одну зубами, так же вслепую нахожу зажигалку. Пальцы не слушаются. Наконец затягиваюсь и выпускаю дым в потолок. Губы дрожат.

Несколько раз ко мне пытаются вломиться разъяренные товарищи по несчастью, в смысле по этой дыре, которую кто-то придумал называть хостелом. Я помалкиваю. Только вода шумит.

Сигарета заканчивается. Беру вторую. Машинально думаю о том, что кровь тоже скоро закончится.

Кисть руки онемела. Хоть гвозди вколачивай.

– Тох, Тох! – Моя девочка. Ну наконец-то хоть что-то обнадеживающее! – Ты, что ли, там застрял?

Продолжая держать под струей воды раненую руку, здоровой тянусь к щеколде.

Шанна врывается в мое табачно-кафельное убежище решительно, как коммандо, разве что через голову не кувыркается, и приносит с собой струю свежего воздуха оттуда, со светлой стороны мира.

– У-у, – произносит она, с ходу оценив серьезность ситуации, и снова запирает дверь. Закрывает воду, машет, отгоняя дым от лица.

В коридоре гремят гневные вопли соседей. Но через мгновение все дружно заткнутся и начнут ловить каждый звук, доносящийся отсюда.

– Дай сюда. Гадость.

Шанна вынимает из моих пальцев недокуренную сигарету и гасит ее в моей же крови на дне раковины. Символично.

Затем берет меня за руку. Ничего не чувствую. Тотальная анестезия.

– Боль-хвороба из чужого короба...

Интересно, за дверью это слышно?

Пробивающийся сквозь щели свет дает мне возможность видеть ее затылок с коротко остриженными волосами, очертания скулы и кончик носа.

Холод понемногу отступает. Шанна шепчет и поглаживает мою ладонь. Я закрываю глаза. Ее руки теплые и мягкие. Украдкой наслаждаюсь ощущением. Знаю, что нельзя, но до той грани, за которой не смогу остановиться, еще далеко. Можно потянуть время.

Шанна тонкой струйкой пускает воду, набирает ее в горсть и смывает со стенок раковины доказательства моей смертности.

И все еще держит меня за руку.

Просто держит. Ничего особенного.

– Передай своему Игни, что я убью его, если он еще раз так сделает, – шепчет она сердито.

– Он ведь уже мертвый, – шепчу в ответ.

– Все равно.

От звука наших голосов в полутемной ванной и от того, как Шанна поливает водой мою ладонь, чертова грань приближается совсем уж резко.

– Больше не надо, – говорю я дурацким хриплым голосом.

Это «больше» натягивается между нами невидимой колючей проволокой.

Шанна тут же отдергивает руку.

– Чеши на кухню. Завтракать будем.

Она больше не шепчет. К счастью.

Мы появляемся в коридоре вместе с клубами табачного дыма, словно огнеборцы после удачной битвы со стихией.

Оваций не последовало. Никого нет. Видимо, соседи плюнули, решив, что мы застряли

надолго.

– Переодеюсь только, – говорит Шанна и направляется к своей комнате. Уютная и теплая даже в своей мешковатой пижаме. Сейчас сменит ее на широченные штаны и какую-нибудь растянутую водолазку с длинными, как у смиренной рубашки, рукавами.

Не потому, что ей нравится так выглядеть, а потому, что не хочет меня провоцировать.

Так и неспровоцированный, я тоже двигаю к себе. За тапочками.

Потом иду в кухню. С водолазкой угадал. Вместо штанов – джинсы. Размером с парашют.

Шанна суетится у плиты. Я терпеливо жду.

– Деньги закончились, бро, – говорит она. – Скоро и этот клоповник не потянем.

Ненавижу это «бро». Но терплю.

– Может, дернем в центр? – продолжает она. – Там я смогу подзаработать. Продержимся до тех пор, пока у тебя заказы не появятся.

В ее голосе сквозит лютая тоска по нормальной жизни.

– Давай, – говорю. – Мне, в принципе, пофигу.

Поворачивая руку, разглядываю ладонь. Даже шрама не осталось.

Шанна ставит передо мной тарелку с яичницей и отворачивается, чтобы вымыть сковороду. Задирает водолазку, скребет ногтями поясницу. Со своего места я отчетливо вижу, как на ее коже проступают мурашки.

Снова захотелось курить.

Пялюсь в глаза яичнице. А она – в мои. Протыкаю вилкой желток. Яичница плачет одним глазом. Он растекается по белой тарелке пятном, похожим на Апеннинский полуостров.

Пахнет растворимым кофе, общажной кислятиной и безысходностью.

Управившись со сковородкой, Шанна садится на стул с точно такой же, как у меня, тарелкой.

– Паркинсончик словил? – усмехается она, аккуратно разрезая яичницу ножом, будто на обеде у английской королевы.

Вилка в моей правой и правда мелко подрагивает.

– Пусть уж лучше меня, чем кого-то другого.

Невероятно, но она действительно понимает, о чем я.

– Игни вообще в последнее время притих. Даже подозрительно. Людей не трогает. Достается только Есми. И тебе.

– Сплюнь. – От одной только мысли тремор перекидывается на левую руку и, кажется, веко начинает дергаться.

Молча жуем. Солнце щедро заливает замызганные стекла. Каждый волосок на голове Шанны словно светится изнутри.

У нее очень тонкие пальцы. Наверное, у всех скрипачей такие.

Пытаюсь запомнить цвета. Самому так не придумать. Правда, красок у меня нет уже давно. Только простой карандаш. Но я все равно пытаюсь.

– Когда поедем в город? – спрашивает моя персональная ванильно-розовая фея и слизывает с губы хлебную крошку.

– Собирайся.

Она вылетает из кухни с радостным визгом.

Князев, ты совсем, что ли, упоролся? «Персональная ванильно-розовая фея»...

Достаю из кармана сигареты. Выхожу на крыльцо у подъезда. Город... Значит, снова вокзал. Электричка. Потом таскаться с вещами по незнакомым улицам. И неизбежно ночевать в каких-нибудь местных руинах до тех пор, пока не подкопим на крышу над головой.

Выдыхаю вверх. Дым повисает над головой огромным вопросительным знаком.

Мечтал, что, когда вырасту, буду придумывать новые дома, – а сам ночью в старых.

Стимпанк-костюм выглядел классно, но не согревал. Стоило только выйти на продуваемую ветром набережную, озноб мгновенно охватил все тело. До мурашек. Глаза заслезились, хоть гогглы напяливай. Используй по назначению, а не прическу держать.

Судя по тому, как бодро переминалась с ноги на ногу Ксюша, ей тоже приходилось несладко.

– Кр-расиво тут, – изрекла подруга и шмыгнула носом. Кто бы спорил. Река – вот она, прямо за парковкой. Сейчас вода казалась густой, как тушь, и глухо билась о плиты набережной. Если обернуться, то... Красоты все равно не разглядеть – тьма крошечная, – но местные знают, что она там есть. Правда, на любителя. Поросший березами и кленами крутой склон с вот уже век как брошенными постройками старого мукомольного завода. Тридцать три огромных емкости для зерна – допотопный элеватор. Даже поблизости стоять, и то не по себе. Местечко – редкостная глушь. Однако организаторов ночного клуба это не остановило. А может быть, наоборот.

– Надо было вызвать такси, – затосковала Ника, кутаясь в легкую куртку. За стеклянными дверями покинутого клуба тяжело ухала музыка. Разноцветные лучи шарили по чернеющему осеннему небу, но здесь, на узкой полоске дороги между рекой и лесом, они казались чуждыми и совсем неуместными.

– У тебя, что, деньги лишние есть? – не слишком уверенно возразила Ксюша. – Коваленко же сказал, что подвезет.

– Ну и где он, твой Коваленко?

– Не знаю. Собирается, наверное. Велел ждать у входа. Слу-ушай, а неплохо они тут все устроили, да?

– Угу.

Говорить не хотелось. Холодно. Но клуб впечатлил и Нику. Особенно с учетом того, что в хозяевах обозначился некий товарищ с ее факультета. Параллельный поток, кажется. Оттого она ожидала увидеть что-то более скромное. Под стать всему городу. А тут какой-то брошенный железнодорожный вокзал, забытый всеми «объект культурного наследия» – и вдруг поспешная реконструкция, материалы, технологии, в точности воссозданный по чертежам облик фасада. Не зря горожане с самого начала присматривались к проекту с интересом – вышло пафосно и стильно. Особенный звук, особенный свет, стимпанк, модные диджеи, лес и река в качестве бесплатного приложения.

Общественный транспорт – в качестве мечты.

– Да он просто забыл про нас и уехал, – все-таки проворчала Ника, одновременно нащупывая в кармане мобильный телефон. Откинула со лба челку, поводила негнущимися пальцами по дисплею, прищурилась. – Ты как хочешь, а я звоню в такси.

Не успела. Рядом остановился выдавший лучшие времена серебристый «Логан». Магнитола орала не хуже «особенного звука». К тому же в тесном салоне уже сидело трое ребят. Но Ксюшу все это не смутило, поэтому Ника предпочла не возмущаться.

– Я же говорила! – воскликнула подруга. Подхватила юбку – «никакая не серая, а пепел розы!» – и первой полезла на заднее сиденье. Задача оказалась не из легких. Из-за криолина. Того самого, который обычно принято надевать под, а не сверху, как это сделала она.

Ника бочком втиснулась следом, едва разминувшись с опасной деталью Ксюшиного наряда.

Машина дернулась и бодро рванула по набережной навстречу моргающим желтым светофорам. Вместо того чтобы убавить громкость музыки, парни ее перекрикивали. Ксюша не отставала. Болтала за двоих. Знакомые-то ее, вот и пусть отдувается, решила Ника. Втиснутая в угол, сама она смотрела в окно и помалкивала.

Хорошо еще, что ехать недалеко.

– ...Да точно, она это. Мы ее на открытии видели, вспоминай. На сцене танцевала. А потом появились листовки, что пропал человек. С фоткой этой рыжей.

– Жесть! – выпалила Ксюша и испуганно округлила глаза. – Значит, она сразу на следующий день...

– Ушла из дому и не вернулась, – отчетливо произнес кто-то из парней. В этот момент одна композиция закончилась, а другая еще не зазвучала, и фраза неожиданно повисла в тишине. А Ника вдруг почувствовала себя чертовски неуютно среди этих незнакомых и странно одетых – каждый вырядился в меру своего понимания стиля «стимпанк» – ребят.

Сама она тоже постаралась выглядеть а-ля «техноледи». Но если вычесть корсет, круглые гогглы и юбку из невесомого тюля, то «техно» уже не останется. Да и от «леди» – всего ничего. Обычная студентка-первокурсница провинциального ВУЗа. Русоволосая и зеленоглазая, со светлыми бровями и россыпью бледных веснушек на носу. Вероника Бородина. Сама она предпочитала называться Никой, хотя мама периодически настаивала на Вере. Но с такой непримечательной внешностью, да еще и Вера... В общем, Ника сопротивлялась, мама не отступала, конфликт длился годами, зашел в тупик и давно удручал обе стороны.

Магнитола выдала очередной бит. Хочешь не хочешь, а придется слушать. Разговор – тоже.

– Кстати, заметили, что все эти похищения начались после открытия клуба? – проорал Коваленко, готично взъерошенный, бледный, с подведенными черным глазами. Напрочь не въехал в стиль вечеринки.

– Скажи еще, что сам Нелидов их и крадет.

– Зачем сам? Павлуша у нас теперь Директор Клуба. Служба безопасности, все дела. Прид-дурок.

– Зато с папашей повезло!

Свернули на Высоковский проезд. Узкая петляющая дорога через промзону. Пешком бы Ника здесь не пошла, хоть так и гораздо быстрее, чем делать крюк через половину района на автобусе. За внушительными заборами автосервисов и гаражных кооперативов ютилось старое кладбище. Сразу за его оградой, едва заметная с проезда, таращилась пустыми глазницами давно и основательно разрушенная часовня. Излюбленное место фотосессий местных готов и сталкеров. А Ника не относилась к тем, ни к другим.

Не доехав до кладбища десятка метров, машина остановилась.

– Ну че, девчонки... к вам или к нам?

В наступившей тишине стало слышно, как судорожно вздохнула Ксюша.

– Э-э, в смысле? – тоненьким голосом отозвалась она и засмеялась чужим, незнакомым смехом.

– Блин, Лисницкая, а не поздненько целку строить? – страдальчески произнес готичный Коваленко. – Типа, я вас на халяву подписался катать? Короче, так. Едем к Лехе, у него хата

свободна. Леха, у тебя ведь хата свободна?

– Угу, – засопел «Леха», – только в пять утра все равно всех выгоню.

– Да я, я же... Мы так не... – промямлила Ксюша и коротко вскрикнула, когда сидящий рядом парень с редкой бородкой на румянном лице полез ей под куртку. Ника, которая сидела у двери, несколько раз подергала за ручку. Безрезультатно.

– Открой, – произнесла она негромко. Но все услышали. Коваленко попытался сказать что-то еще, даже повернулся к ней, и тогда Ника повторила, глядя прямо в его равнодушные, невнятного цвета глаза: – Открой. Мы никуда не едем.

Некоторое время они молча друг друга разглядывали. Словно видели впервые. В некотором смысле, так оно и было. Ника старалась выглядеть спокойной. Хотя внутри плескалась паника.

Щелчок.

Едва оказавшись снаружи, она выдернула из машины подругу. Пока те трое не передумали. Взвизгнув шинами, серебристый «Логан» скрылся из виду. Сразу стало очень темно и тихо.

Безлюдный Высоковский страшил теперь гораздо меньше, чем то, чего удалось избежать.

– Прости. Честно, я не думала, что так получится. И ни о чем таком с ними не договаривалась. Ой, мамочки... – Ксюша прижала ладонь к губам и глядела теперь на Нику так, словно сделала открытие. – А ведь он и правда намекал... Я еще подумала: просто шутки идиотские. Ну и ду-ура... Если бы не ты...

– Да прям если бы не я. Этот Коваленко вроде бы не совсем с головой не дружит. Короче, сэкономили...

Взявшись за руки, они медленно шли вдоль кладбищенской ограды. Ветер трепал пышные юбки, пахло влажной листвой и дождем. Ни людей, ни машин. Единственным звуком, нарушавшим безмолвие, был стук каблуков их сапог. Разговор невольно перешел на шепот.

– Свет. – В ответ на вопросительный Никин взгляд Ксюша указала пальцем в сторону кладбища и остановилась. – В часовне. Никогда раньше не видела.

– Мало ли... – Ника продолжила идти, но ушла недалеко. Подруга догнала ее, замершую напротив высоких кованых ворот.

– Ты чего?

– Плачет кто-то.

Теперь уже обе застыли, вслушиваясь в крошечную тишину Высоковского. Там, за решеткой ограды, она казалась еще гуще и неподвижней, чем здесь, на дороге, под фонарями.

– Кошка, что ли, орет... – шепнула Ксюша.

Ника мотнула головой:

– Не-а, не кошка. Ребенок, точно. Там. – И, не моргая, она уставилась на ворота. Сама была бы рада ошибаться. Но интуиция подсказывала: то, что раньше представлялось сюжетом из теленовостей, случилось с ней самой. И теперь важно не спасовать.

– Никулечка, а тебе не кажется, что это плохая идея? – проговорила Ксюша, схватив ее за руку. – Может, ну его в малину, это кладбище? В часовне же кто-то есть. Наверняка услышат.

– А вдруг не услышат? – Ника высвободила ладонь и неуверенно направилась к воротам. – Вот включишь завтра новости, а там скажут: «На старом кладбище нашли

мертвого младенца». И как тебе будет?

– Вряд ли хуже, чем сейчас, – вполголоса произнесла Ксюша, но все-таки двинулась следом. – Черт бы побрал этого Коваленко. Зря я тебя не послушала. Сидели бы сейчас дома... – бубнила она без остановки, пока Ника не шикнула на нее перед тем, как протиснуться в щель между неплотно прикрытыми створками.

– Я и сама боюсь. Не ной.

Еще как боялась. Не зря всякий раз обходила мрачноватый Высоковский проезд десятой дорогой.

Но именно сейчас неожиданно вынырнуло из памяти и замерло перед внутренним взором полузабытое, тревожное, как ожидание боли, детское воспоминание. Тот самый вопрос, каждое слово которого пропахло лекарствами и поблескивало эмалью, словно больничный кафель: *так что на самом деле было в тех снах?*

Однако что его связывало с Высоковским кладбищем, и почему ей вдруг показалось, что именно там она найдет на него ответ, Ника не знала.

Теперь плач слышался довольно отчетливо. Явно не кошка.

Желая хоть что-то разглядеть, подружки включили фонарики мобильных. Свет выхватил из темноты косые силуэты памятников, кресты и ворохи палых листьев. Под ними едва угадывалась дорожка. Влажная почва остро пахла чем-то нехорошим и проминалась под ногами.

– Вот видишь – нет здесь ничего страшного. – Ника хотела сказать это как можно бодрее, но голос прозвучал глухо, как в погребке. Несчастный младенец заходился в плаче совсем близко. Сделав несколько шагов, она резко остановилась, поводила лучом фонарика по надгробиям. Неподалеку прямо на земле белело какое-то тряпье.

– Сюда, – скомандовала Ника и первой бросилась вперед, на бегу стягивая куртку. Чуть не поскользнулась на размокшей глине, едва устояла, в последний момент ухватившись за ограду. – Потерпи, маленький! Господи, кто только додумался оставить здесь...

Ника склонилась над тем, что приняла за перепачканные пеленки: это оказалась грязная ветошь вперемешку с клочками бумаги – и разворошила все руками.

– Ничего не понимаю... Я ведь точно слышала. Ксюш, ты...

Ее прервал визг подруги.

Враз похолодев, Ника вскочила, вскинула руку с телефоном – никого. Хлюпало и шелестело где-то сбоку. Впрочем, непрекращающийся вопль не оставлял сомнений: перепуганная Лисницкая неслась в сторону, противоположную выходу. Белеющая в темноте юбка делала похожей на привидение ее саму. Первой мыслью было, что мнительной подружке со страху что-то померещилось, вот и рванула. Слабонервная оказалась. Ищи теперь... Ника кинулась вдогонку, пока Ксюша окончательно не заблудилась. Бежала на шум. На сапоги, вызывая омерзение и заставляя скользить, липла сырая кладбищенская глина вперемешку с листьями. «В часовне спряталась», – догадалась Ника, когда заметила между деревьями два недобрых глаза – тускло светящиеся оконные проемы полуразрушенной церквушки.

Она немного сбавила шаг, чтобы отдышаться, и вдруг поняла, что по-прежнему слышит шелест и хлюпанье.

Прямо за спиной.

Ника обернулась.

Это был бы человек, если бы он... шел. Он двигался, раскинув руки в стороны, похожий на крест. *Только ноги не шевелились.*

Закричать не получилось. Вместо этого из горла вырвался сдавленный стон.

Ника попятилась к старой часовне, не решаясь повернуться спиной к *тому*. Споткнулась, растянулась в грязи, но сил на то, чтобы подняться, уже не хватило.

Зажмурилась, спрятала лицо в ладонях. «Сейчас все исчезнет, исчезнет, это просто кажется, этого не может быть никогда и ни за что, мы живем в двадцать первом веке, призраков не существует, их никто не видел, а если видел, то невзавраду, вот и мама все время говорит про духов, можно подумать, духи толпами по нашей квартире ходят, но я ее понимаю, у нее работа, ей приходится говорить о том, во что хотят верить люди, а я не хочу верить в духов и призраков, не хочу, не хочу, не...»

Звяканье. Как будто тащат цепь. А потом он заговорил. Для нежити у него оказался на удивление приятный голос.

– Что, застрял? – *Дзынь*. И еще что-то вроде *кхр-р*. – Ничего, сейчас исправим...

Ника сжалась в предчувствии удара. Толчка. Прикосновения. Она не знала, чего ожидать. Хотя нет, знала. Смерти. Внутри все горело. И дышать не получалось. Порыв ветра взлохматил волосы. «Умри-и, – свистнуло в провалах окон часовни и понеслось, петляя между деревьями. – Ум-мри-и-и...» Как голоса сразу всех покоящихся здесь мертвецов.

Но ее никто не трогал.

Ника выглянула из своей внутренней темноты, раздвинув пальцы. *Тот* никуда не исчез, но он смотрел – если вообще смотрел – в противоположную сторону. А навстречу ему медленно приближался другой. Цепями бряцал именно он. Держа за рукоятки, волочил их за собой по земле в обеих руках. И вел дружескую беседу.

– Да ладно тебе, соглашайся. Говорят, там лучше, чем здесь, – заявил этот Второй, с виду чуть более человечный, чем первый. Цепи взлетели в воздух.

А в следующее мгновение перед лицом Ники опустился занавес. Длинный полог цвета «пепел розы». С кринолином.

– Я ведь говорила-а, не надо было сюда идти-и! – подвывала вновь обретенная Ксюша Лисницкая в перерывах между рыданиями, а сама, между тем, вцепившись ей в руку, тащила Нику за собой – откуда только силы взялись? – в ту самую часовню без окон. Зато с вполне надежной дверью. – Я думала, ты меня бро-осила...

Вдвоем они забились в угол, цепляясь друг за друга и тяжело дыша.

– Я домой хочу-у, – скулила Ксюша. Ника бы тоже не отказалась оказаться у себя дома, но пока те двое оставались снаружи, путь к бегству был отрезан.

Едва восстановилось дыхание, она взобралась на кучу битого кирпича и осторожно выглянула наружу через узкий оконный проем.

Не померещилось. Оба по-прежнему были там. Дрались.

И Второй, очевидно, одерживал верх.

Цепи в его руках оказались оружием. Два кистеня с небольшими шипастыми шарами на концах. Шары рассекали воздух с бешеной скоростью, чудом не задевая его самого. Первый едва успевал уворачиваться. Но успевал, что обычному человеку вряд ли бы удалось. И плакал – плакал ли? – не переставая.

Мутного лунного света, который едва сочился сквозь рваные тучи, явно не хватало, чтобы разглядеть обоих получше. Но Ника продолжала смотреть.

Они кружили друг напротив друга. Шаг вперед, замах, прыжок – слились. Темный с темным. Накрепко. Не различить, где кто. Затем тот, что больше походил на живого человека, буквально выдрался из захвата Первого. Отскочил в сторону. Стиснул ручки обоих кистеней в

кулаке и ладонью свободной левой руки молниеносно провел по правой сверху вниз. Стряхнул что-то с пальцев. На мгновение пропал, снова появился – за спиной противника.

Вот черная тень с раскинутыми в стороны руками сгибается пополам и валится на колени. *Дзынь. Кхр-р.* Врезается в землю увесистый железный шар. Вырывается из нее и снова набирает скорость. Комья глины разлетаются в стороны.

Второй двигается легко и словно бы заученно. Кистени кажутся продолжением его рук. Цепи почти невидимы. Невероятная скорость.

Черная тень падает. Еще удар. Видимо, достигает цели. Тоненькое печальное хныканье.

Второй, похожий на обычного человека, замирает, словно раздумывая, что делать дальше. В этот момент лунный свет все-таки находит прореху в рыхлых облаках, и происходящее резко приобретает четкость. Вырисовывается все до последнего бугорка у него под ногами.

Его плечи тяжело поднимаются и опускаются. Слипшиеся от пота волосы торчат в разные стороны. Глаза закрыты. Минует пара мгновений – и он поворачивается, намереваясь уйти.

Но не уходит.

Тень все еще шевелится, напоминая огромного раздавленного паука с растопыренными лапами.

Серебристая сталь начинает выписывать в воздухе две сияющих восьмерки – поначалу медленно, потом ускоряясь с едва различимым равномерным гулом.

– Если б я не верил, что там лучше... – слышится голос слегка задыхающегося «парня» на фоне этого монотонного звука, – то сам бы давным-давно уже вздернулся.

Ника успела зажмуриться за мгновение до того, как услышала отчетливый хруст.

И кубарем скатилась со своего наблюдательного пункта. Перед глазами расплылась мутная дымка. Ника моргнула. Еще раз. Вытерла ладонью влажный лоб. Отыскала взглядом подозрительно притихшую Лисницкую. Та тоже приникла к одному из окон, неотрывно наблюдая за расправой снаружи.

– Это... Он его... Убил, что ли?

Подруги молча уставились друг на друга, не решаясь вслух ответить на этот страшный вопрос. Впрочем, ответа и не требовалось.

– Девчонки, службы сегодня не будет. Приходите завтра, – громко произнес кто-то позади них.

Вздрагнув от неожиданности, они одновременно обернулись на голос.

Провожу рукой по черному пластику обвеса, смахиваю на землю налипшие осенние листья. Ладонь становится влажной. Столько времени прошло, а я все еще удивляюсь тому, что способен чувствовать.

Ветер. Холод. Жжение на месте новой татуировки. Вкус и запах дыма. Вдыхаю. Отмечаю горечь. Вместе с выдохом отдаю миру часть себя.

И пусть кто-то попробует сказать, что это не жизнь...

Ну, хорошо. Не вполне обычная жизнь.

Есми. Аз есмь. Я есть. А если «аз» мертв, то твоя бессмертная душа – единственное, что у тебя теперь «есмь».

Они – те, кто есть всегда. Закономерный результат внезапной гибели. Не понимают произошедшего. Стремятся существовать по-прежнему. Обалдевшая от страха *живая* составляющая целого, у которого уже *не жива* другая составляющая.

Мало кто позволяет забрать себя добровольно. Но и я лишний раз согласия не спрашиваю.

Я живу, пока оплачиваю долги. За жизнь, которой однажды не позволил прерваться. Хотя ненавижу эту чертову спасенную жизнь и от всей души желаю ей... Смерти. Вмешался в глобальный план? Переиначил две судьбы? Вот и плати теперь – другими. Есми. Мелкие разменные монетки в моем ежедневном, нет, еженощном сборе податей с городских помоек. Ну, как помоек... Чаще всего это места пожаров, кладбища, развалины с историей. Короче, вы понимаете, что за экскурсионные маршруты ожидают меня везде, куда бы я ни приехал.

Новый город – новые трущобы. Новые истории смертей.

Все самое лучшее.

Щелчком отбрасываю окурок. Красная точка описывает дугу в темноте и медленно гибнет под моим взглядом.

Он там. В щели фундамента. И будет – завтра, послезавтра.

Значит, я тоже есть. Аз есмь.

Ключ в замок зажигания, мгновенный отклик двигателя – привычная вибрация. Шлем превращает меня в чудовищного Хищника.

И я чувствую себя хищником.

Можно, конечно, притвориться здесь своим. Слиться с потоком машин, зайти в круглосуточную кафешку, да хоть пойти в кино на последний сеанс. Но надо отдавать долги, поэтому любая моя попытка свернуть с привычного курса все равно заканчивается провалом.

Я не могу не убивать Есми.

Чертовых потеряшек, застрявших между лицом и изнанкой города.

Я говорю «убивать», хотя все не совсем так. Нельзя убить то, что уже мертво. Но это самый верный способ убедить *мертвое* в том, что оно... Именно такое. Я убиваю чертовски правдоподобно.

Иногда я думаю о том, что случится, когда я выкуплю жизнь Антона окончательно. Рано или поздно это произойдет. Что тогда?

Отправляюсь на изнанку – гордый, свободный и нафиг никому не нужный. И посмотрю в глаза Тем, Кто Собирает Долги.

Я перестану быть. Иногда я думаю об этом. Но сейчас, когда ладонь скользит по

влажному сиденью моего мотоцикла... Я верю в то, что живу.

Часовня на Высоковском кладбище

– Ого! – Тощая красноволосая девица с головы до ног оглядела обеих подруг. В одной руке – маленькая поблескивающая лаком скрипка, в другой – надкусанное яблоко. Она подкинула его довольно высоко, ловко поймала той же рукой и впиалась в него зубами. Сок брызнул во все стороны. – Вы иш какого века шуда швалилишь, дамы?

На костюмы намекает. А у самой-то – кладбище, часовня, скрипка. Армейские ботинки и кожаная косуха не по размеру. Вообще ничего особенного.

– Там только что... убили кого-то, – поспешила поделиться Ксюша. Но новость не произвела на красноволосую ожидаемого впечатления.

– А-а. Ну, бывает. – Только плечами пожала. И хрустнула остатками яблока. – Вы лучше домой идите. Идите-идите. Нечего тут делать.

Швырнула огрызок в оконный проем и отошла, разом потеряв интерес к ним обеим. Мгновение спустя часовня наполнилась заунывно-погребальной музыкой. Не игра, а неспешная прогулка кошачьих когтей по... всему телу. От макушки до пяток.

– Ну, бывает, – с гримасой передразнила незнакомку Лисницкая. И добавила: – Нет уж, до утра я отсюда точно ни ногой. Хватит с меня на сегодня маньяков и при...

Ксюша снова оглянулась на окно и осеклась. Вскарabalась на кучу мусора, высунулась наружу чуть ли не по пояс.

Площадка перед часовней была абсолютно пуста. Ника видела это даже со своего места.

– Призраков! – пискнула Лисницкая. Подхватила кринолин и отодвинулась подальше от двери.

Ника тоже не горела желанием покидать убежище до рассвета, а потому последовала примеру подруги. Только молча.

Она ни в чем не была уверена.

Источником тусклого света, который они с Ксюшей заметили с улицы, служило множество расставленных на полу свечей. Они едва слышно потрескивали и чадили, наполняя часовню особенным дымным запахом.

Неприветливая особа с красными волосами сидела на высоком подоконнике. Придерживая подбородком инструмент, самозабвенно водила смычком по струнам. При этом извлекала из скрипки такие жуткие звуки, от каких, казалось, вибрировали нервы.

Но в часовне была не только скрипачка.

Когда Ника медленно обходила старую церковь, разглядывая остатки фресок на стенах, она едва не споткнулась о чьи-то вытянутые ноги.

– Отойди! – вскрикнула девица и направила на нее смычок, как учитель – указку. – Пять шагов назад – и ни шагом ближе! Не вздумай к нему прикасаться!

– А иначе что? – с вызовом произнесла Ксюша, немедленно оказываясь рядом с подругой. – Драться будешь?

Однако они ее послушались. Отступили, но разглядывать лежащего не перестали.

– Он вообще в порядке? – засомневалась Ника. Потому что ни один здоровый и... живой человек не смог бы так беспробудно дрыхнуть под адовы звуки скрипки красноволосой.

– Крейцер! Этюд номер один! – вместо ответа объявила девушка. Сдержанно, словно зрителям, кивнула и добавила: – Нравится? Думаю вот, не подзаработать ли искусством. Где у вас тут народу-то побольше?

– У него кровь идет. Может, «скорую» вызвать? – подала голос Ксюша. Шею вытянула, даже на цыпочки привстала, чтобы лучше видеть.

– Проваливайте, – безапелляционно заявила вдруг странная особа, проигнорировав слово «кровь».

– Да это же он! Убийца!

Ника и сама узнала. Вне всяких сомнений. Этот самый парень пять минут назад сражался на кладбище с непонятной сущностью. Вот только как он успел здесь оказаться? Да еще и переодеться...

– Мы видели его с призраком! – уверенно заявила Ксюша. К слову сказать, парень на полу на шум по-прежнему не реагировал. Лежал ничком, подложив одну руку под голову вместо подушки, а вторую вытянув в сторону. С пальцев действительно капала кровь...

И Ника не выдержала.

– Да что здесь происходит? – Подскочив к нахальной девице, она едва сдержалась, чтобы не стащить ее с подоконника за ногу. Желание стало особенно нестерпимым, когда та принялась во весь голос распевать на латыни. Играть при этом не перестала, и Нике приходилось перекрикивать весь этот шум. – Сначала призрак... Или кто это был – ходячий мертвец? Зомби из преисподней? А этот? Когда он успел зайти сюда, лечь и уснуть? ОН **ВООБЩЕ ЖИВОЙ?**

Докричалась. Девица отложила скрипку, ловко встала на колени и склонилась вниз так, что их с Никой лица оказались на одном уровне. Единственная длинная алая прядь, оставленная посреди коротко стриженной макушки, переместилась вперед и скрыла один хитрющий янтарный глаз. Второй насмешливо поглядывал то на Нику, то на Ксюшу.

– При-израки? – с издевкой повторила красноволосая. – Зомби? Ходячие мертвецы? А-а, я, кажется, поняла! Девчонки, вы... сумасшедшие? – Последнее слово было сказано страшным шепотом.

Пока Ника придумывала достойный ответ, несостоявшийся мертвец зашевелился. Перекатился на спину, по-прежнему не открывая глаз, потянулся и шумно вздохнул.

– Опять рука-а... – сонно пробормотал он, нащупывая что-то возле себя. – Как я это все ненавижу... Хоть вообще не просыпайся. Шан, Шанна... Сделай что-нибудь, – жалобно попросил он, неловко пытаясь подняться.

Ника никогда раньше не видела, чтобы люди так прыгали. Только шурхнуло над головой – и подоконник опустел. А высота – больше Никиного роста. Да плюс расстояние...

Красноволосая Шанна тем временем уже присела возле своего ожившего приятеля. Помогла ему встать, подперла его плечом, и оба медленно двинулись к выходу. Они переговаривались совсем тихо, но в крошечной часовне каждое слово раздавалось отчетливо.

– Надо выйти, ты же знаешь. Иначе не получится – место намоленное... Не стоило нам здесь оставаться.

– Знаю. Был неправ. В следующий раз найдем что-нибудь получше.

– С душем?

– И с кухней.

– О-о...

И это они-то с Лисницкой сумасшедшие?

Кстати, о подруге. Стоило странной парочке скрыться за дверью, как непривычно притихшая Ксюша положила ладонь на плечо Нике.

– Раз все живы и здоровы, предлагаю покинуть помещение. Если я снова увижу хоть

что-то необычное – точно свихнусь.

– Ты понимаешь, что нам не показалось? – упрямо отозвалась Ника. Но, судя по ее умиротворенному тону, Ксюша все уже себе объяснила.

– Показалось, не показалось... Может, просто пошутил кто-то. Или фильм снимали. На мобильный. Артхаус, короткий метр – сейчас это модно. Пошли, а? Спать дико хочется.

Но через несколько шагов непоколебимая Ксюшина решимость слегка пошатнулась. И с каждым последующим шагом она ее все больше утрачивала. «А что, если *это* снова окажется там?» – читалось в ее полных тревоги глазах. Подвиг самопреодоления. Она боялась, но двигалась к двери, не желая, видимо, пасовать перед подругой. Которая и сама предпочла бы подождать, когда рассветет, погаснут фонари и можно будет идти не оглядываясь.

Пока тянули время, вернулись те двое. Парень заметно повеселел. Шагал самостоятельно. Даже напевал себе под нос.

– Привет! – обратился он к ним, будто только сейчас заметил. А может, так оно и было. Зато теперь Ника смогла разглядеть его получше. С виду ничего особенного. Темноволосый, бледный, совсем не атлет. Одет, прямо скажем, так себе. Встретишь – не обернешься. Правда, глаза интересные. Чистого серого цвета, – как только углядела при таком свете? – с длинными прямыми ресницами. Спокойные. Не слишком подходящее слово, но именно оно первым пришло на ум. А правый рукав по-прежнему в темных пятнах... Ничего ей не показалось!

– Антон. – И протянул левую руку.

– Ника. Мы уже уходим. Простите за... – Она запнулась, не подобрав сразу нужное слово. Вроде бы и извиняться не за что. Само собой получилось.

– Вторжение, – очень кстати подсказала подруга.

– Я провожу, – не предложил, а произнес он как нечто само собой разумеющееся. Даже в голову не пришло отнекиваться.

Пока Антон натягивал куртку поверх испачканного свитера, подруги обменивались взглядами с его спутницей. Если у той и были наготове едкие комментарии, она предпочла оставить их при себе.

Уходили под этюд Крейцера номер какой-то там. Тоскливый – аж зубы заныли.

За порогом все залил туман. Из-за обрушенного крыльца таращился единственной фарой черный мотоцикл. Ника слабо в них разбиралась, но с виду не старый. Наоборот – стремительные очертания обвеса, хром, металл и ни царапинки. Неплохо. Значит, бомжи с достатком...

Светало на глазах. Только красок не прибавлялось. Запах тоже остался прежним, ночным. Прелая листва, сырость, влажный асфальт. По сонному еще Высоковскому пронесся одинокий автомобиль.

Ника достала из кармана мобильный. Почти шесть утра. И куча пропущенных от мамы.

Шли молча. Каждый – в собственной тишине.

С Ксюшей попрощались возле ее пятиэтажки. Подождали, когда та исчезнет в темноте подъезда, и двинулись дальше. Вдоль длинного бетонного забора – в глубь дворов, туда, где чернело несколько деревянных бараков. В одном из них Ника имела несчастье жить.

– Антон, ты веришь в призраков?

– Нет, но они, к сожалению, верят в меня.

Приятный голос. Мягкий и... спокойный. Похоже, это слово накрепко приклеилось к парню в Никином воображении.

– То есть?

Знакомые закоулки. Вдоль и поперек исхоженные. Словно вынырнула из другого мира. Обратно в свой. И привела с собой живое доказательство того, что действительно там побывала.

– То есть являются без приглашения. Игни сказал, что ты тоже можешь их видеть.

– Игни?

– Тот, кто был на кладбище.

– А... – Ника ненадолго умолкла, обдумывая услышанное. – Значит, все-таки не ты.

– Не совсем я. Это сложно объяснить. – Кажется, сначала решил не продолжать, но потом передумал. – Нас как бы двое. Игни, он... Моя вторая душа.

– Ха-ха, – выдохнула Ника. А что она могла сказать? – Прикольно. Типа раздвоение личности?

– Типа того.

Нормально так поговорили. Все ясно. Антон – обыкновенный псих. Тихий сумасшедший. Но искренний. Верить ему хотелось. Шанна эта его тоже не вполне нормальная. Угораздило вообще с такими связаться...

– Не вижу я никаких призраков, – возразила Ника после минутного молчания. – Призраки – это по маминой части. Она их обожает. Просто жить без них не может. Правда, только при клиентах. Она гадает за деньги. Без призраков – никуда. А я... Нет-нет. Только сегодня...

– Сегодня ты видела его потому, что Игни был рядом. Вы ведь обе видели, верно? – терпеливо, как маленькой, разъяснял Антон своим приятным голосом. Жаль только, нес лютую чушь. – Это... побочный эффект. Но он уверен, что ты можешь сама. Ошибся? Раньше такого никогда не было. – Он почесал затылок и озадаченно поглядел в небо. Как будто там был написан правильный ответ. – Скажи, зачем ты вообще пошла на кладбище?

– Хм.

Ника сунула руки поглубже в карманы, запрыгнула на бордюр и пошла маленькими шажочками, тщательно выверяя каждый. Антон протянул ей руку, но Ника сделала вид, что не заметила.

– Я слышала, как плачет ребенок.

– Нет, не то. Подумай еще.

Он выжидающе смотрел на нее, а она – себе под ноги.

– Ну... На самом деле, это ерунда. Мне показалось, что там я смогу узнать кое-что. О себе. Глупо, правда? Давай не будем об этом. Кстати, пришли. Здесь я и живу.

Обычно Ника стеснялась собственного дома и не позволяла редким кавалерам себя провожать. Аварийное жилье. Формулировка жуткая, и выглядит оно так же. Деревянная двухэтажная халупа с заколоченными фанерой окнами на первом этаже, откуда жильцы давным-давно съехали. Счастливчики, было куда... Зато на втором по-прежнему обитали Ника с мамой и еще одинокая старушка-соседка. Та на расселение уже не уповала, наоборот – побаивалась связанных с этим хлопот. Твердо решила дожить свой век в родных стенах.

Ника так не хотела. Ей-то еще жить и жить...

Но стесняться дома при том, кто ночует в заброшенной часовне, нелогично. Судя по тому, что совсем недавно он без проблем спал на полу, Антон вообще не придавал значения бытовым неудобствам.

– Это не глупо, а очень серьезно, – сердито произнес он возле самого подъезда.

Остановился под надломленной веткой старого клена, но прощаться не спешил. Пришлось и Нике задержаться. – Игни считает, что тебе нужно больше доверять самой себе. Он не стал бы говорить, если бы это не было важно. Понимаешь?

– Не понимаю, – честно призналась Ника. Она страшно устала и хотела сейчас только одного – добраться наконец до кровати. А не размышлять над странными речами случайного знакомого, который верит в то, что у него две души. Такой молодой, а уже с приветом.

– Кажется, тебя зовут.

Только не это! Мама. Заметила. Доказывай теперь, что не ухажер.

Наверху открылась форточка. Совсем плохи дела.

– А ну-ка, поднимайтесь! Оба.

Так далеко в освоении личной территории Ники еще никто не забирался. Из парней, разумеется.

Деревянное крыльцо в пять ступеней, косой треугольник жестяного козырька. Узенькая скрипучая лестница в темном подъезде. Старая проводка, которую никто уже не пытался починить. Какой-никакой свет проникал внутрь сквозь длинное и узкое оконце на втором этаже, с мутными стеклами, которые за несколько десятилетий, казалось, вобрали пыль внутрь себя и отмыванию не поддавались.

Дверь в квартиру оказалась приоткрытой. Ну, мама...

В тесной прихожей потолкались локтями, стягивая куртки. Ника наугад кинула обе на вешалку. Кажется, попала. По очереди вымыли руки под тонкой струйкой ржавой воды из крана. Антон протиснулся в кухню первым. Все еще взъерошенный после сна, в потертых джинсах и заляпанном кровью свитере, он вписывался в убогую обстановку Никиного дома гораздо лучше ее самой.

– Ангелина Власовна, – представилась мама. Выслушала ответное «Антон... э-э... Князев», коротко кивнула. – Завтракать будете? – Не дожидаясь ответа, смахнула с клеенки невидимые крошки и поставила в центр стола тарелку с хлебом. Следом появились сыр, колбаса и чашки. Нике досталась мамина. Треснутая, с потертым котенком на боку. Ее собственная, куда более нарядная – подарок одноклассников – оказалась перед гостем.

Говорить не хотелось. Да и не о чем было.

Пока они с Антоном молча жевали, Ангелина Власовна сходила в спальню и вернулась оттуда со свернутой вещью в руках. Протянула ее растерянному парню. Ника узнала расцветку. Свитер из папиного гардероба. Неприкосновенный, как и все, что о нем напоминало. Даже странно, что мама так быстро прониклась доверием к человеку, которого видела впервые в жизни.

– Переодевайся, – произнесла она тоном, не предполагающим отказа. – Свой здесь оставь. Постираю. Вероника потом вернет. В ее комнату иди. Прямо и налево. Да не переживай ты так, – махнула рукой, хотя вконец ошарашенный «Антон... э-э... Князев» даже слова не успел вставить. – Удобно.

Спроведила гостя, а сама отвернулась и принялась шарить в кухонном шкафчике. Ника задумчиво рассматривала мамину спину в цветастом халате и ее длинные черные волосы, собранные в пучок на затылке. Мама быстро обнаружила то, что искала, и Ника услышала перестук камешков в небольшом кожаном мешке.

– Ой, нет, – застонала она. – Только не начинай!

Очень некстати вернулся Антон. Папин джемпер оказался сильно ему велик. Длинный, почти до колен, и в ширину с избытком. Снова усевшись, Антон машинально поддернул

рукава до локтей.

Ника искоса глянула на его правую руку. Совершенно чистая кожа. Ни повязки. Ни кровавых ран. Ни царапинки.

Мама с грохотом придвинула к столу табурет, втиснулась между столешницей и плитой. В руке она держала хорошо знакомый Нике мешочек. Гадальный. Горстью зачерпнув содержимое, мама сыпанула его перед собой. Между чашками и тарелками заскакали мелкие белые камушки. Обыкновенный гравий.

– С могилы взяли? – неодобрительно поинтересовался Антон, и Ника поспешно отставила свою чашку в сторону. Она этого не знала.

– Что б ты в этом понимал... – пробормотала Ангелина Власовна, с прищуром рассматривая получившийся узор. По мере «вглядывания» профессионально-суровое выражение на ее лице постепенно сменялось неподдельным удивлением. – Две души-и? – Сухие пальцы с тяжелыми серебряными кольцами поспешно собрали с клеенки гадальные камни. – Две души, счастливое спасение...

«Мрак кромешный, – грустно подумала Ника. – Они еще и на одном языке разговаривают?»

– Кто-то из близких? – взволнованно спросила гадалка, чем только подтвердила гипотезу.

– Случайный прохожий. Студент. Зима была, гололед. Машину выкинуло на остановку. Прямо на людей. Он оттолкнул мою маму, а сам попал под колеса.

– И она еще не знала, что ждет ребенка...

– Знала. Тот парень умер у нее на руках. «Скорая» не успела. Но перед этим мама пообещала, что назовет меня его именем.

– Ну, ясно. Классика...

Ника встала со своего места, нарочно громыхнув стулом. Брякнула чашку в раковину, пустила воду. Еще и гора вчерашней посуды, как обычно. Она стучала тарелками так, словно решила не оставить в доме ни единой целой. Мама и Антон не обращали на нее никакого внимания. А Ника невольно продолжала прислушиваться к разговору. Хоть и понимала, что оба несут отборный бред. Но до чего слаженно!

– Смерть за тобой ходит, – сказала Ангелина Власовна, в очередной раз раскидав перед Антоном камешки. – Знаешь об этом?

Если подумать, общие слова. А за кем смерть не ходит? Но забавный гость и тут не подвел.

– Ага, – говорит. – Коровья.

И хорошо, что оба не видели в этот момент выражения лица Ники! Еле сдержалась, чтобы не расхохотаться.

– Так бывает, когда забереешь у нее что-нибудь ценное, – охотно пояснил он дальше. – Например, не дашь сгубить стадо коров...

– Так ты стадо коров у смерти отобрал? – не сдержалась Ника. Когда еще такая веселуха выпадет!

– Нет. Кое-что посерьезней...

К сожалению, любопытную тему развивать не стали. Мама переключилась на рассказ о работе. Точнее, о похищениях. Ника прекрасно знала эту историю. К известной в городе гадалке Геле обращались родители обеих пропавших девочек. Она не смогла им помочь. Даже денег не взяла. Увидела только место, откуда уводили девчонок, и то, что они еще

живы. Но где находятся теперь – загадка.

– Между небом и землей... – проговорила она и сейчас, пытливо глядя на хмурого Антона. – Не понимаю, что это значит. Между небом и землей. Как такое может быть?

– Я тоже не знаю, простите. Лучше спросить у Игни.

– Что еще за Игни?

– Ночной. Думал, что освободится от меня, если разорвет связь имен.

Кажется, наконец-то засобирился. Так рассыпался в благодарностях за бутерброды, что мама ему еще и с собой всучила. Для той, красноволосой, не иначе.

Ника из вежливости подала куртку. Мысленно радуясь, что собрание тайного общества умалишенных на сегодня закрыто.

– Связь имен тут ни при чем, – заговорила вдруг Ангелина Власовна, когда Антон уже стоял на пороге. – У твоего Игни есть только одна возможность освободиться – твоя, мальчик, смерть. Да и то не факт, что сам выживет. Хотя если дух его достаточно окреп...

– Еще как, – коротко подтвердил парень.

– Убить тебя он не сможет – силенок не хватит, – продолжала гадалка. – Из вас двоих пока что ты главный. Будь осторожен, береги себя... Да, и вот еще что. Антон...

– М-м?

Она взяла его под руку и потянула к вешалке, в сторонку от Ники. Отвернувшись, зашептала. Быстро же у них общие секреты образовались!

Впрочем, Ника все равно слышала.

– Скажи, как ты вообще с этим живешь?

Улыбка у него тоже оказалась спокойной. Как глаза и голос.

– Нормально. Привык. Спасибо вам. Впервые в жизни рассказывал все, не опасаясь, что назовут чокнутым.

– И тебе спасибо, двоедушник, – чуть слышно проговорила Ангелина Власовна, когда дверь за Антоном уже закрылась. – Я тоже рада, что тебя встретила.

В то время как некоторые сомневаются в существовании души как таковой, я отхватил мелким оптом еще и вторую.

Вернее, он – меня.

Еще вернее, мы оба не выбирали.

Несмотря на то, что «душа» звучит эфемерно, эта – вполне себе материальный чел с моей внешностью (ну, допустим, пока что не совсем с моей, но со временем мы, вероятно, станем так же неразличимы, как два камня для человека, не привыкшего приглядываться к камням), который шляется по ночному городу и убивает нечисть двумя здоровенными железяками.

Нечисть – мое определение. Сам он называет их Есми. Ну, Есми так Есми. Это его работа. Его, так сказать, предназначение.

Первое время мы еще пытались дергаться. Когда нам было по пятнадцать, Игни попытался от меня свалить. Думал, будет легко. Типа, ушел и не вернулся – и все дела. Солнышко встало, утро настало – а он, такой, *настоящий человек*, не подкопаешься...

До сих пор не знаю, как это выглядит со стороны. Когда сплю, я вижу все, что с ним происходит. Сон как сон. Я ни на что не влияю. Сидит себе в первом ряду такой скупающий обыватель, ногу на ногу закинул, позевывает... Каждую ночь – один и тот же сюжет. Реально скучно.

Вот только если в актера на экране выстрелят или, там, ножиком ткнут, кровь потечет у того несчастного в первом ряду. Все по-честному, без дураков.

Потом я просыпаюсь, и он перестает быть. А я начинаю.

В ту ночь, когда он решил сбежать, я тоже его видел. На стройке, за школой.

Он сидел на краю бетонной плиты. Тощий, оборванный. У него почти мое тело и почти мое лицо. Голос, повадки, привычка ерошить волосы на затылке. Только злость и невероятная живучесть – собственные.

Смотрел вниз с высоты четвертого этажа.

Я мысленно умолял его не прыгать. Дико не хотелось в больницу.

Он и не собирался. Возвращаться – тоже. Не знаю, что за сила тащит его ко мне в момент пробуждения. Но тогда он сумел с ней совладать.

Я видел его, а потом перестал. Экран погас. Музыка, титры...

Я не проснулся. Ни в то утро, ни на следующее.

Открыл глаза спустя двое суток. В своей собственной постели. Выходные, родители на даче. Обо мне даже не вспоминали. И слава богу.

Если бы они оказались дома и стали меня тормозить, я бы не проснулся никогда.

Целых двое суток Игни боролся со мной. Но все же вернулся. Феномен ходячий.

Заодно понял, что не может существовать без меня.

После, в отместку, я не спал три ночи подряд. Глючило страшно. В школу таскался, как чертов зомби, на автопилоте, литрами глотал кофе и все свободное время тупил в Интернете. Но не ложился. Решил: раз он смог, значит, и я смогу.

Отомстил... Больше себе, чем ему. Потерял сознание на остановке, неудачно упал, башкой долбанулся...

Заодно понял, что не могу существовать без него.

Мы вообще многое понимали случайно...

Я не знаю, о чем он думает. Сплю, вижу картинки – и только. Зато он словно живет в моей голове. Словно? Ха, он действительно там живет. И это бесило и бесит меня гораздо сильнее того, что мы чертовски неравноправно друг о друге информированы.

Когда он спас меня, еще нерожденного, от смерти, то как бы взял мою жизнь в кредит. Теперь он должен расплачиваться – ими, Есми.

Каждую ночь возвращать долги.

Я живу, пока он платит. Он живет, пока он платит. Все чертовски запугано.

Так мы поняли, что не можем избавиться друг от друга.

Живу и не знаю, что он выкинет в очередной раз. Есми он выносит лихо, что и говорить, каждую ночь наблюдаю этот экшн.

А что, если Игни убьет обычного человека? Случайного прохожего? Спящего на остановке бомжа? Студента после вечеринки? Девушку, спешащую домой от подруги?

Ты никогда от этого не отмоешься, Антон Князев. В жизни не докажешь, что невиновен. Пойдешь по статье за особую жестокость. Сядешь – и будешь сидеть. Если вообще сможешь жить дальше.

Хотя нет. Изложишь все вышесказанное – получишь шанс отделаться принудительным лечением.

Дурацкая шутка, понял.

Есть еще кое-что. О чем вообще лучше не размышлять, если не намерен лезть в петлю прямо сейчас.

Игни – неживой. До недавнего времени я не задумывался о том, что у него могут быть... э-э... потребности, свойственные обычным людям.

Проще говоря, что *его может сорвать не на убийство, а на изнасилование.*

Как оказалось, вполне. Правда, в тот единственный раз все произошло по взаимному согласию – что чувствовал при этом Антон Князев, разумеется, не волновало ни Игни, ни его случайную подружку, – но это новое знание о сущности «ночной души» оказалось для меня полной неожиданностью.

И вот тут меня передергивает по-настоящему.

Ирония в том, что выход Игни из-под моего контроля и правда был неизбежен. По причине, которую невозможно предугадать. Слишком изощренно. Слишком жестоко. Слишком... Больно, черт, да, именно так.

Эту причину назвала мне Наставник. Уберегла от беды нас обоих. Меня и Игни.

– А почему именно «наставник», а не «наставница»? – поинтересовался я во время одной из наших встреч, когда она в очередной раз обругала меня за логичную попытку обозначить ее в женском роде.

– Потому же, почему «продавец», а не «продавщица». Хотя, кому как. Некоторым и «продавщица» сойдет.

Учителя русского языка бывшими не бывают. Раз за разом она исправляла мою речь, а потом незаметно для меня стала исправлять мысли.

Третья пара подходила к концу, а абонент Лисницкая по-прежнему оставался недоступен. Это было не то чтобы странно. Непривычно просто. Обычно Ксюша предупреждала, когда намеревалась забить на универ и заняться чем-то поважнее. Хотя бы для того, чтобы Ника с утра не торчала одна на остановке.

А сегодня мало того, что прождала, так теперь еще и не дозвониться. При том, что только вчера болтали по телефону. Могла бы и намекнуть.

Но намекала Ксюша на другое. Ходила вокруг да около и едва сдерживалась, чтоб не проболтаться. Но напрямую так и не сказала. Пришлось довольствоваться собственными догадками.

Все сводилось к тому, что у подруги намечается свидание. Тем же вечером. Что до подробностей, то вместо них Ксюша ограничилась многозначительными «м-м», «э-э» и обещанием рассказать обо всем завтра.

Именно последнее – выходит, на занятия она все-таки собиралась, – и мешало Нике с привычной тщательностью конспектировать лекцию. Вместо этого она бездумно пялилась в окно. Из-за пробки машины едва тащились, на остановке в сторону дома – толпа студенческой молодежи. Еще не разъехались, плохо. Придется возвращаться в переполненной маршрутке. На одной ноге и с сумкой в зубах. В библиотеке, что ли, переждать?

Ага, переждешь тут... Лисницкая, отзовись!

Очередная эсэмэска улетела вслед предыдущим – безответным.

Еле дождалась конца пары. Из аудитории выскочила первой, успела в гардероб до нашествия первой волны однокурсников. Схватила куртку – и бегом. На ту самую остановку. Топтаться в ожидании транспорта и снова набирать номер подруги. «Абонент не абонент».

Листовки еще эти. Как нарочно на глаза попадают. Хотя и не удивительно: ими сейчас весь город оклеен.

Весь город выучил их наизусть.

Елизавета Королева. Волосы рыжие, глаза голубые. На фото – видная, яркая. Улыбается профессионально. На камеру. Это про нее в субботу Ксюшины знакомые говорили, Коваленко с компанией, что она в клубе танцевала. До того как исчезнуть.

Анастасия Ткачук. Настя. Светленькая, глазастая. На мальчика немного похожа. Волосы русые, глаза серые. Джинсы, зеленая парка. Ушла из дому и не вернулась.

Где же вы, девчонки?

«Между небом и землей». Ох, нет. Только этой мистики в голове не хватало...

Маршрутка. В надежде хоть немного отвлечься, Ника сунула в уши наушники. Незамысловатая музыка. Скоро все выяснится. Наверняка Ксюша сидит себе дома. К семинару не подготовилась, вот и решила перестраховаться. Или снова умчалась на свидание. В худшем случае заболела и просто не подумала о том, что подруга будет переживать. А телефон разрядился.

Незачем паниковать раньше времени.

Пока Ника доехала до своей остановки, она почти себя успокоила. Даже нарочно шагала помедленней. Думала о том, как бы прямо с порога не обрушиться на ничего не подозревающую подругу всю силу своего негодования.

Подумаешь – не позвонила.

Второй подъезд, второй этаж, квартира номер сто двадцать два. Еще когда в школе учились, Нику завораживала эта магия чисел лисницкого адреса. И дом. И подъезд. И ярко-синяя входная дверь. Ника особенно любила бывать здесь в гостях. Ксюшина комната казалась ей идеалом личного пространства – небольшая, уютная, светлая. А в остальных – картины на стенах. Вместо вешалки – раскидистые оленьи рога. Чучело совы в углу, за шкафом...

Только сейчас заметила, что синяя краска на двери облупилась и местами темнеет ржавыми пятнами.

Открыл Ксюшин папа. От одного взгляда на его лицо у Ники упало сердце.

– Ника... Проходи. А мы утром звонили Ангелине Власовне. Тебя решили пока что не тревожить. Вдруг найдется...

– Найдется?...

Забыв разуться, Ника прошла в кухню. Знакомые картины на стенах. Бледно-зеленая скатерть на столе, мягкий уголок. Шторы с кисточками.

Не хватает только самой Ксюши.

Кроме родителей подруги там была незнакомая девушка. Едва ли намного старше Ники. Неформалка какая-то. В камуфляжных штанах и черной футболке, на обритой голове – косынка. И пирсинг в носу.

Перед ней лежала листовка.

«Ксения Лисницкая, 1997 г. р. Волосы черные, глаза карие».

Внезапно ощутив головокружение, Ника опустилась на край дивана, который Ксюша почему-то всегда называла «лосем».

– Ты знаешь, куда она собиралась вчера вечером? – Поняв, видимо, что от родителей толку не будет, девушка-волонтер с пирсингом решила взять инициативу на себя.

– Да нет... – Ника почему-то избегала смотреть ей в глаза. Вместо этого наблюдала за тем, как мама Ксюши трясущимися руками льет кипяток в фарфоровый заварник. – Мне показалось, что на свидание. Но она этого не говорила. Так чтобы прямо. Поэтому я могу ошибаться. Скорее всего, ошибаюсь.

Ника узнала фотографию на листовке. Она сама снимала. Прошлой осенью, в парке. Наверное, из соцсети взяли.

– Но я могу спросить у своей мамы. Про то, где была Ксюша до того, как...

Зря она это сказала. Ксюшина мама и так была белой как мел, а теперь и вовсе чуть не лишилась чувств. Покачнулась, присела, закрыла лицо руками.

В прихожей задребезжал дверной звонок.

– Психолог, отлично, – кивнула девушка-волонтер. Выбралась из-за стола, вопросительно глянула на Нику. – Ты идешь?

Правильно, здесь сейчас не до них.

– Так откуда твоя мама может знать, куда ходила вчера Ксения? – поинтересовалась она уже на лестнице, обматывая шею длинным шарфом.

– Она гадалка.

– А-а. – В голосе послышалось явное разочарование. – С расклейкой-то поможешь?

Возле подъезда стояла выдавшая виды «Волга». К ней и подошли. Девушка-волонтер открыла багажник, извлекла оттуда пачку листовок, запечатанных в целлофан, и протянула ее Нике.

Почему-то сам факт, что «неформалка» способна управляться с такой колымагой, как

эта машина, немного успокаивал. Раз она такая самостоятельная, может быть, и Ксюшу найдет?

Взяв под мышку пачку листовок, Ника двинулась к своему дому.

Привычная обстановка собственной квартиры показалась ей не такой, как обычно. Чужой какой-то.

Мама сидела за столом у нее в комнате. Молча. Ника вытащила из пачки одну листовку и положила ее на стол.

– Можешь посмотреть, где она сейчас?

– Ты же не веришь в мои предсказания, – ответила Ангелина Власовна, впрочем, без привычного сарказма. Просто констатировала факт. И ворчливо добавила: – Камни принеси.

Пришлось выполнять.

Раньше Ника интуитивно избегала прикасаться к маминым предметам для гадания вообще и камням в частности. Сама себе объяснить не могла почему. Неприятно, хоть расстреляй, а в чем причина – кто его знает. С могилы, оказывается, камушки. Но на самом деле причина брезгливости крылась не в этом.

На полке кухонного шкафчика, за банкой с печеньем, черный кисет выглядел вполне безобидно.

Ника ткнула в него пальцем и быстро отдернула руку. Паучьи лапки не выросли. Укусить не попытался. Даже не шевельнулся.

Просто дурацкий мешок с камнями.

Нечего тут бояться.

Выдохнула, схватила и бегом к маме. Швырнула на стол. Украдкой вытерла ладонь об джинсы. До чего гадко...

Мама взяла мешочек со стола очень бережно, как раненого птенца. Нике от этого только противнее стало. Пару раз встряхнула, распустила шнурок, сунула руку внутрь. И потемнела лицом. Так, как Ника в жизни не видела. То ли вот-вот заплачет, то ли закричит.

Вместо камней сквозь ее пальцы тонкой струйкой посыпался песок.

– Ты трогала его когда-нибудь раньше? – тяжело спросила мама.

– Нет. Никогда.

– Она все еще помнит. Она ищет тебя... Как я надеялась, что все это само собой рассосется. Спустя столько-то лет...

Ника застыла, не зная, что сказать или сделать. Выражение маминого лица напугало ее гораздо сильнее этих непонятных слов.

– Давай прогуляемся. Здесь как-то душно стало. – Ангелина Власовна одним движением сгребла песок в кисет, сунула его в карман домашней кофты и первой вышла из комнаты.

Слева от единственного подъезда Никиного «аварийного жилья» – если не знать, то не найдешь – пряталась в зарослях кустарника низкая железная калитка, которая вела в огороженный забором маленький палисадник. Именно туда, под нависшие ветви кленов, и направилась сейчас мама.

Когда-то давно, когда в доме еще кипела жизнь, этот палисадник был излюбленным местом посиделок местной молодежи. Они же позаботились об удобствах – притащили сюда трехногий обеденный стол, два стула и корявый буфет. На тщательно утоптанном клочке земли чернело кострище. Чья-то заботливая рука обложила его обломками кирпичей.

Спрятав нос в воротник куртки, Ника присела на край одного из стульев и молча наблюдала, как мама рвет газету и кидает клочки на землю. Следом отправились листья и

тонкие ветки, собранные здесь же, под ногами.

Октябрь. Шесть – сумерки, восемь – уже ночь. Сквозь ветки шиповника виднелись светящиеся окна соседнего дома. самого обычного.

Когда разгорелся огонь, в палисаднике стало почти уютно.

– Я хочу рассказать тебе кое-что, – сказала мама. – Чего раньше никогда не рассказывала.

С этими словами она отправила ненавистный Нике кожаный мешочек прямиком в огонь. Некоторое время бесформенный темный комок еще различался в пламени, но очень скоро слился со всем тем, что обречено было стать золой на пяточке палисадника.

Ника вспомнила, что так и не расклеила листовки. Но все равно кивнула.

– Ты ведь знаешь, что до твоего рождения мы с твоим отцом жили в военном городке...

Еще бы не знать. В паспорте Ники, возле слов «место рождения», значился город с неблагозвучным названием Черневский Труд. Ближайший к военной части роддом находился именно там. Вот и увековечился в документах. Но не в памяти.

– Квартиру нам дали большую, просторную, – продолжала Ангелина Власовна, – в дореволюционном, правда, доме. Но тогда и этому радовались. Когда ремонт затеяли и содрали пять слоев старых обоев, то нашли под ними газеты. С новостями о коронации последнего царя. Посмеялись – зато первое собственное жилье! Остальное, думали, дело наживное. Вот только с работой у меня совсем не ладилось. В Труд этот кататься – не ближний свет. Там и своих работников не знали куда девать. А я тогда шила здорово. В магазинах, конечно, все уже было, но пока до них доберешься... и вот я одной подкладку на пальто заменила, второй платье для дочки на выпускной пошила. И пошел, как говорится, клиент.

Огонь быстро съел бумагу и ветки и сник, лишив палисадник едва возникшего очарования. Скрипнула незаметная калитка. Ника узнала по шагам: Любовь Петровна, соседка. Наверное, разглядела огонь и решила поддержать компанию. Пусть. Все равно ничего уже не слышит.

Ангелина Власовна поприветствовала соседку кивком.

– И вот однажды, – вновь заговорила она, – пришла ко мне женщина. Имя у нее было красивое. Редкое. Да и сама она – тонкая, нервная. Как поэтесса или художница. Шубу принесла починить. Слово за слово – и рассказала, что вдова. Трижды. Последнего мужа – офицера – сорок дней как схоронила. Мало того, что тоскует, так еще и живет одна в таком же, как наш, доме. Мерещится, говорит, всякое... а я ее, дура, пожалела. И сказала, чтоб заходила просто так, без повода. Я-то все равно постоянно дома. Вместе веселей. Подруг среди офицерских жен у меня еще не появилось. Соседка, правда, остерегала от такого знакомства. Но я по молодости пропустила мимо ушей...

– А как ее звали? – перебила Ника маму.

– Хм?

– Ну, красивое, редкое имя.

– Этого я тебе не скажу, и не пытай. Так вот, с тех пор стала она каждый день ко мне наведываться. Стихи свои читала – угадала я насчет поэтессы-то. И приходила всегда днем, когда отца твоего дома не было. Страшно боялась она с ним встретиться, и знакомиться не желала...

– С папой? Почему? – Мама говорила серьезно, а вот Ника не удержалась от улыбки. Ее отец никогда не отличался строгостью и уж тем более никого не страшил. Наоборот – был

излишне компанейским. И вечно у них в доме гостили, ночевали, появлялись и уходили какие-то его друзья-приятели. Ника с детства привыкла к обществу взрослых. Можно сказать, ее все понемногу воспитывали. И папу никто не боялся. Включая саму Нику.

– Да потому, милая, что двоим мозги запудрить – это тебе не одну дурную бабу окрутить. Боялась она, видать, что муж мой сразу во всем разберется и общаться с нею запретит. А я без этого общения уже и не могла. Привязалась к ней очень. Вот только раз голова заболела, и я легла. Другой раз заболела, снова легла. На третий неделю провалялась. На четвертый повезли в Труд на отцовской служебной машине. Врачи только руками разводят – здорова, хоть в плуг запрягай. Да мне и правда сразу легче стало. Но как только домой – криком кричу, до того плохо. А как отец твой в увольнении на сутки – отпускает... Замерзла?

– Что? – Ника и правда дрожала от холода на своем стуле, но не замечала этого, увлеченная маминой историей.

– Давай-ка в дом. Только простуды нам не хватало.

В квартире первым делом включили свет. Во всех комнатах сразу. И телевизор тоже. Ника угнездилась в кухне со своей, «нарядной» чашкой в руках. Сумрачность палисадника осталась там, снаружи, за деревянной рамой окна. Не посмела сунуться дальше.

– Мам, а потом?

– Промучилась я недели три и думала уже, что настало мне время умирать. И подруга куда-то пропала. Нет и нет, да и не до нее мне было. Я с температурой под сорок, имя свое едва вспоминаю... а она мне во сне привиделась. Отец еще, как назло, в ту ночь в наряд заступил. И кажется мне, будто приходит она, на диван садится и стихи свои читает. Спокойная такая. И говорит: «Я знаю, как тебе помочь, но ты взамен пообещай мне кое-что. Так, пустяк. Тебе ведь имя мое нравится? Вот и назови свою дочь, как меня. Да не волнуйся – все пройдет, пройдет...» а я и во сне понимаю, что брежу. Дочь? Какая еще... «Обещаю! – кричу. – Только помоги! Пожить еще очень хочется!» Кивнула она мне – и вышла, дверь за собой захлопнула. Дальше темнота, ничего не помню.

Мама замолчала, положила руку на сердце. Она и сама невысокая, худенькая. Но не на поэтессу похожа, а на человека, который много и тяжело работает. Одевается во все черное, косметикой не пользуется, волосы стягивает на затылке в старомодный пучок. Поэтому кажется старше, чем есть на самом деле.

Отдышавшись, Ангелина Власовна продолжала:

– Наутро я первым делом в городскую поликлинику бросилась. И узнала, что ребеночек у меня будет... а подруга та моя в ту же ночь, сказали, померла.

Ника всей спиной почувствовала дуновение холода. Как сквозняк из окна, только это был совсем не сквозняк.

– Вот до сих пор иногда думаю, во сне ли ее видела, или она правда приходила ко мне. Перед смертью.

– Так ее Вероникой звали?

– Нет! Говорю же – не спрашивай. Не сдержала я обещания. Не стала живую тебя в честь нее, мертвой, называть. Да и вообще о той истории не вспоминала. До тех пор, пока *все это* с тобой не началось.

«Все это». Словосочетание, которым они с мамой обозначали несколько лет ада семьи Бородиных. Глянцевую кафельную плитку, белые халаты, таблетки и уколы. «Все это» началось, когда Нике исполнилось семь, и закончилось в десять. Из-за «всего этого» от них

ушел папа. Не выдержал того, что его любимая дочь – сумасшедшая и лечится у психиатра.

И страшно кричит по ночам. А утром ничего не может вспомнить.

Это была правда. Ника до сих пор не знала, что именно видела в тех детских снах. Три года, покрытых тайной кошмара. И ни психотерапия, ни гипноз, ни лекарства не могли вытащить ее оттуда.

До тех пор пока мама не начала гадать.

– Камни... – Внезапная догадка взволновала Нику. – Твои камни были с могилы той женщины, верно?

– Да. Поеду завтра. Одним днем обернусь. Только туда и обратно.

Туда – это в Черневский Труд, догадалась Ника. Без камней мама не сможет гадать. Значит, денег у них снова не будет.

На тумбочке в прихожей все еще лежала пачка нерасклеенных листовок. Сквозь целлофановую упаковку с фотоснимка махала рукой и улыбалась Ксюша Лисницкая.

Ника сунула ноги в ботинки, спрятала в карман моток скотча. Заглянула в кухню предупредить маму, и обнаружила, что та до сих пор стоит в той же позе со скрещенными на груди руками.

– Ма-ам, – тихонечко позвала Ника и помахала листовками. – Я ушла! – Никакой реакции. Взгляд в пол, плечи опущены. – Да ладно тебе, ну... Может быть, просто так совпало. При чем тут какое-то имя?

Наконец Ангелина Власовна встрепелась. Посмотрела на дочь – а сама словно никак не вернется из того дореволюционного дома в военном городке.

– При том, что она хотела жить. Вместе с тобой, вместо тебя. И быть бы тебе сейчас двоедушной. Как тот мальчик, Антон. Кстати, разыщи его! Он может узнать про похищения.

Опять эта тема про души... До чего тяжело жить с человеком, который верит во всякую ересь. Зато теперь понятно, почему мама то и дело вспоминает об этом Антоне.

Совместный бред объединяет.

Плеер включен, наушники в уши, скотч наизготовку. До чего противный звук, когда отдираешь очередной кусок клейкой ленты! Выйдя из подъезда, Ника заглянула в палисадник через решетку ограды. Старушка-соседка до сих пор сидела перед погасшим костерком. Интересно, Любовь Петровна вообще заметила, что они с мамой уже ушли?

Листовки закончились очень быстро. Надо было взять побольше. Клеила рядом с предыдущими двумя сообщениями о пропаже. Елизавета. Настя. И Ксюша.

С чего мама вообще взяла, что Антон может что-то о них выяснить? Мутный парень без определенного места жительства. Антон-двоедушник. Городской сумасшедший. Ни рыба ни мясо. Больно надо его разыскивать.

Любовь Петровна все еще сидела в палисаднике. Ника поднялась в квартиру, заглянула в мамину комнату – темно, телевизор бормочет. Зашла на цыпочках, потихоньку нащарила пульт, выключила. Пусть спит.

Взяв со стола тетрадь с конспектами, Ника с ногами забралась на продавленный диванчик, который переезжал с ними из квартиры в квартиру, начиная с того самого военного городка. Полистала, зевнула – готовится надо. Вот только глаза закрываются...

Старая ветла скребется в окно засохшими ветками. Тени на стене кривые, но узнаваемые. Оконная рама с форточкой. Кактусы на подоконнике. Подлокотник дивана. А вот та тень, в углу, наискосок от двери – ее собственная, Никина.

Только не совсем. Ника сутулится, а та, что отбрасывает тень, сидит с прямой спиной. И

волосы волнистые, длинные. *Твоей маме имя мое очень нравилось. Оно могло бы быть твоим. Красивое, редкое. Хочешь, назову?*

Но вместо этого взвыла, завизжала неистово, с дивана прыгнула и метнулась в сторону окна. Сгинула, только крик по-прежнему разрывал тишину почти безлюдного старого дома.

Ника открыла глаза.

Она сидела на полу.

Кричала она сама.

Поначалу я ничего не помнил о себе прежнем. Мои былые привычки, мечты и увлечения были скрыты от меня точно так же, как и лица некогда близких мне людей. Но они ведь должны были быть, верно? с того самого момента, как осознал себя *не мертвым*, я пытался вытащить из памяти хоть что-то из той, утраченной жизни. Снова и снова ломился в закрытую дверь в собственной голове, за которой, как мне казалось, все еще хранились ответы.

Они и вправду хранились. Просто мне нужен был ключ.

В ту ночь я шатался по городу. К пустой остановке подъехал последний автобус. Конечная. В салоне было всего трое пассажиров, и все вышли здесь.

Я вспомнил ее. Сразу. Как только увидел. Изменилась. Сильно. Но я – еще сильнее. Развернулся и пошел следом. А в середину груди словно кол вогнали. И проворачивают. Так, что дышать трудно. Шел и шел за ней, как привязанный. Кроме нас на улице – никого. Она, наверное, с ночной смены. Я, можно сказать, тоже. Подумал: обернется – решит, что грабитель. Хотя я, скорее, напоминал сбежавшего из детского дома бродяжку. И вызывал не страх, а брезгливость.

Улица обзавелась коттеджами с высокими заборами. Покрылась брусчаткой, засияла фонарями.

Прежней осталась только наша изгородь. Мы с отцом всегда красили ее в зеленый цвет. Сейчас даже следов краски не осталось. Одни почерневшие доски.

Она поставила сумки на землю и завоzilась с замком. Я слышал, как позвякивают ключи. Время шло, а дверь не отпиралась.

Связка полетела на землю. Мама закрыла лицо руками.

– Можно я попробую?

Она посмотрела мимо меня. На секунду я испугался, что стал невидимым, как Есми. Подобрал ключи. Руки помнили... Сначала немного вправо. До щелчка. И еще прижать дверь коленом, чтобы легче было повернуть.

Петли скрипят. Двор по ту сторону изгороди завален снегом.

– С-спасибо.

Стерла слезы рукавом. Подняла сумки и пошла к дому.

А я смотрел на ее опущенные плечи, сбившуюся набок серую шаль. Смотрел на ее руки без перчаток. И сам не замечал, как пытался нащупать тот самый осиновый кол в своей груди. Хоть на секунду бы выдержать. Чтобы втянуть в себя воздух.

Она обернулась уже у крыльца. Позвала:

– Может, зайдешь ненадолго? Согреешься!

Я привык к холоду, но ей об этом знать необязательно. Побежал так, что шапка с головы слетела. Вернулся, подобрал, кое-как натянул обратно. Снова рванул к ней.

Мама улыбалась. Окрыленный этим, я сделал сальто через голову. Нарочно поскользнулся, свалился в сугроб. Ледяная корка оцарапала щеку, но я все равно барахтался в снегу подольше.

Она смеялась в голос, а я стоял напротив и тоже хохотал в голос – как дурачок. Счастливый тем, что смог ее развеселить.

– Как тебя зовут, артист?

– Антон.

Почему я не соврал? Должен был соврать.

Она смотрела на меня так, будто я ее ударил.

– Сколько тебе лет? – спросила чуть слышно.

– Пятнадцать.

– И чей ты такой будешь, Антон?

– Ничей, – теперь я тоже шептал, как провинившийся ученик.

– Проходи.

Я помнил здесь все. Каждую трещинку на обоях, каждую скрипучую половицу. Таких стало больше.

– А знаешь, у меня был сын, – сказала она и провела меня в кухню. Забыла снять пальто, что-то поставила разогреваться на электрическую плитку. – Его тоже звали Антон. Сейчас у него были бы свои дети...

Передо мной появилась тарелка супа. Хлеб. Горячий чай.

Мое тело приспособлено к тому, чтобы убивать Есми. Я слышу их плач. В темноте вижу так же ясно, как днем. Иногда мне вообще не нужно смотреть, чтобы видеть. И я подозреваю, что двигаюсь чуть быстрее обычных людей. Но тот бездарный демиург, который создал меня таким, не предусмотрел одного.

Я вынужден есть, если не хочу грохнуться в голодный обморок. А поскольку времени на поиски еды у меня нет, чаще всего я довольствуюсь тем, что многие посчитали бы несъедобным.

Она рассказывала про сына. То есть про меня. Честно пытался слушать, но не получалось. Суп был слишком вкусным. Еле сдерживался, чтобы не хлебать через край.

– Оставайся, – говорит. – Ничьим быть нельзя. В школу-то хоть ходишь?

Я промычал что-то неопределенное. Рот был полон хлеба.

– Как же твои родители? Где они? – Мама протянула руку, хотела погладить меня по голове. Нет, передумала.

Я сидел, помалкивая. С шумом втягивал чай.

– А хочешь, я тебе его покажу?

Достала из шкафчика снимок. Положила передо мной, но из рук не выпустила.

У меня светлые глаза и светлые волосы. Были.

Я ведь помню тот день, ма... Наш последний Новый год.

– Пойду, наверное...

Поднялся неловко, задел рукавом чашку. Остатки чая растеклись по столешнице. Фотография мгновенно пропиталась коричневой влагой. Мама даже не заметила. Смотрела в сторону.

– Иногда мне кажется, что он вот-вот придет. Откроет дверь своим ключом. Включит свет.

Я не приду, ма. Я умер.

Когда я уходил, она не обернулась.

А я пошел через наш двор наискосок, по сугробам. Захлопнул калитку. Пустая улица. Прибавил шаг, затем побежал, привычно проклиная все, что с нами случилось. Тот день. Себя. Антона Князева. Ноги сами несли меня к бетонной коробке местного долгостроя. Я зашел внутрь, поднялся по ступеням. Четвертый этаж. Выше некуда.

Я не приду, ма. Я умер. Я задолжал кому-то что-то. Не знаю, правда, кому и что. Я даже

умереть не смог по-человечески.

Это то, что сильнее меня. Как ломка, понимаешь? То, что каждую ночь гонит на поиски. За шкурку вышвыривает под дождь и снег, упираешься – кладет лицом в землю: «Давай, ищи, тебе же самому это нужно, тебе это нравится, хоть ты еще и щенок... Научишься. Полюбишь. Жить без этого не сможешь».

А я и сейчас уже не могу...

Они смотрят, ма. Эти... люди. Одинаково. А еще у них глаза белые. У них пальцы жгутся. К ним нельзя подходить близко. Я ставлю ловушки. Сам придумал. Но потом все равно приходится...

Я сначала боялся, и было долго. А потом понял, что нужно не руками. И стало быстро. И вот снова начинается. Но я терплю, мамочка. Терплю...

Общежитие на улице Пискунова

Всего-навсего страшный сон.

«Это все» не вернулось. Людям периодически снятся кошмары. И никто к врачу не бежит. Это нормально.

Вчера что-то еще нехорошее случилось... Хуже дурацкого сна. Ах, да. Ксюша пропала...

Ника натянула халат поверх пижамы, босиком вышла из комнаты. Никого. Мама, наверное, первой же электричкой унеслась в Черневский Труд – камни добывать. Завтрак оставила: под салфеткой прятались бутерброды и два вареных яйца. Кофе Ника сделала сама. Сыпанула в кипяток ложку растворимого, молоком разбавила и сочла получившуюся бурду вполне годной на вкус.

С горячей чашкой в ладонях она устроилась возле окна и стала смотреть на улицу. Еще меньше листьев. Скоро совсем не останется. Асфальт мокрый, но если и дождь, то такой, несерьезный. Все, что немного дальше, тонет в белесой дымке. В такую погоду только и сидеть дома с книжкой. Укрыв ноги пледом и с плеером под рукой. А одеваться, до остановки топать, ждать автобус, а потом еще и ехать – это нет.

До чего в институт неохота, кто бы знал...

Да и разве можно думать об учебе, когда за партой рядом – пусто?

Ника ополоснула чашку под струей воды и направилась в свою комнату. Собиралась еще раз проверить телефон – вдруг Ксюша ответила на вчерашние сообщения? Хоть бы дала о себе знать! И чуть было не споткнулась о красный пакет возле двери. Заглянула внутрь, скривилась и тяжело вздохнула. Ну, блин...

В пакете лежал пахнущий стиральным порошком и тщательно отутюженный свитер Антона Князева.

Даже уехав, мама умудряется доставать!

Вот пусть сама и возвращает.

Мобильный не порадовал. Ни одного нового сообщения. Ника швырнула телефон на диван, словно именно он был источником всех неприятностей.

Книги... Вот что поможет сбежать от круговерти мыслей. Даже просто убить время в ожидании новостей. После обеда можно позвонить родителям Ксюши – вдруг что-то прояснится! Но до обеда еще надо дожить и желательно не сойти с ума.

Мистика или про любовь? Ника открыла книжный шкаф и пробежалась пальцами по корешкам. Любовь совсем не в тему, и без нее сейчас тошно.

А мистики и в жизни хватает.

Мысль о мистике заставила Нику покоситься в сторону двери. Краешек красного пакета вызывал беспокойство. Надо было сразу в шкаф затолкать, чтобы глаза не мозолил.

У него, наверное, и шмоток-то немного. У Антона. А одежда, которую дала ему взамен свитера мама, вообще никакущая. Схватит еще воспаление легких в своей часовне. Сам-то вряд ли придет. Постесняется.

Так и пришлось натягивать джинсы, выуживать из шкафа толстовку потеплее и тащиться на улицу с красным пакетом подмышкой. Чтоб тебе пусто было, Антон Князев! И маминой заботе о тебе – тоже.

Хорошо, что до Высоковского кладбища пятнадцать минут медленным шагом. Иначе бы точно не поперлась.

По пути Нике попадались расклеенные ею же накануне листовки. С каждого столба и забора глядели Ксюшины глаза.

Днем кладбище выглядело совсем иначе, чем ночью. Ничего сверхъестественного. Напротив – тоскливо и прозаично. Ржавые ограды, неухоженные могилы, почти полностью скрывшаяся под листвой тропинка. Торчащие в стороны ветки какого-то жесткого кустарника, которым она заросла до самой часовни.

И как только ночью-то удалось продраться?

Кирпичная развалюха встретила знакомым неодобрительным взглядом узких окон. Ника поднялась по ступеням, помялась перед дверью, но все же потянула на себя деревянную створку.

Отдать пакет – и сразу домой.

Внутри никого не оказалось. Ни Антона, ни его красноволосой подружки.

О таком варианте Ника почему-то не подумала.

Она выглянула в то самое окошко, из которого наблюдала драку... кого-то с кем-то. Потопталась там, где нашла Антона. Взглянула на подоконник, сидя на котором играла на скрипке Шанна.

Если б только знать тогда, что спустя сутки с Ксюшей произойдет такое! Заперлась бы с ней в квартире и не высывалась все выходные. Повсюду ходила бы с подругой за руку. Даже телефон бы выключила.

Если бы... Если бы...

Почему мама сказала, что Антон Князев может помочь?

– Эй, девушка! Здесь нельзя находиться, это не место для прогулки!

Вздрогнула от неожиданности, оглядываясь. Мужик какой-то. Сторож местный, наверно.

– Простите, я уже уйду, – отозвалась Ника и правда двинулась к выходу. Под ногами похрустывал битый кирпич и осколки стекла.

– И чего вас сюда как магнитом-то тянет? – не унялся сторож. – Все гнилое, дряхлое. Рухнут перекрытия – и до свиданья! Поминай как звали. И замок вешали, и окна заколачивали, – бубнил он ей в спину даже снаружи, не отставая ни на шаг. – Замок сперли, фанеру сперли. И все равно лезут. Что за народ...

Она остановилась так резко, что сторож чуть на нее не налетел.

– Может быть, вы видели здесь недавно двоих ребят? Моего возраста. Парень и девушка с красными волосами. Приметная такая.

– Да кто только не шляется! – рявкнул мужик. Развернулся и шустро припустил в сторону своей бытовки.

Тишина на кладбище царила невероятная. Слышно было только, как ветки от ветра поскрипывают где-то высоко над головой. И шум машин доносился с проезда.

Казалось бы – сделала все, что смогла. Возвращайся домой с чистой совестью, лопай конфеты и читай про любовь. Но Ника с решением медлила. Минут пять подождала у кладбищенских ворот, теребя в руках пакет, а затем пошла в сторону, противоположную дому. К остановке.

Шанна что-то говорила о заработке искусством. На улице, значит, собиралась играть. А раз так, то искать ее нужно на Покровке. Там таких талантов – через каждые десять шагов. Один бренчит на гитаре, второй песни орет – соревнуются, кто громче. А другие с перевернутыми шапками между прохожими вертятся. У этих двоих из часовни и шапки-то,

наверное, нет. Можно, правда, футляр от скрипки приспособить, так еще жалостливей картина получится. Глядишь, чего и насобирает скрипачка. Если кого-то от ее игры мигрень не одолеет.

Мысленно негодуя, Ника все-таки вышла из автобуса на главной площади, у кремля, а оттуда привычным для любого горожанина маршрутом отправилась прочесывать главную улицу.

Гитарные аккорды и бодрые голоса певцов доносились со всех сторон. Но рядом с тем, что творилось здесь же, возле театра драмы, они меркли, как фонарь по сравнению с луной.

Вторник. Дождь. Разгар рабочего дня. Но слушатели у Шанны были. Человек пятнадцать, не меньше. Ника замерла в толпе. Засмотрелась на тонкую девушку в черном, которая играла так самозабвенно, что Ника на время забыла, зачем пришла.

Скрипка рыдала. Жаловалась, шептала печальную историю. Ее голос трепетал между фонарями и булыжной мостовой. В стенах несуществующей тюрьмы, в которую превратилась улица. Казалось, даже бледные призраки всех тех, кто прогуливался здесь столетие назад, покинули свои переделанные под магазины особняки и тоже вслушиваются. Склоняют голову, утирают слезы рукавами саванов...

Длинная прядь, лежавшая на плече скрипачки, вдруг встрепенулась вместе с очередным пассажем, и музыка стала крепнуть. Распахнув крылья, мелодия устремилась ввысь, в серое осеннее небо. «Не сдаваться!» – велели звуки, и все, кто стоял вокруг, невольно расправили плечи. «Не сдаваться!» – пела скрипка, и ей вторил каждый дом на улице: «Преград не существует. Их придумали люди!»

Шанна закончила играть, но народ не спешил расходиться, ожидая продолжения. Тогда она размашисто поклонилась, давая понять, что на сегодня все, и присела на корточки, чтобы собрать купюры из скрипичного футляра, – насчет него Ника угадала.

С внезапным приступом неловкости она подошла ближе.

– Привет.

– Здравствуй, – откликнулась Шанна, не поднимая головы. Бережно уложила скрипку и смычок в освободившийся футляр, защелкнула замки и только после этого распрямилась, глянула с прищуром. – А-а, это ты. Любительница ночных прогулок по кладбищу.

Вблизи и при свете дня Ника нашла ее симпатичной. Открытое лицо с четко очерченными скулами, немного раскосые глаза. Нос с горбинкой, которая ничуть ее не портила. Короткая мальчишеская стрижка с торчащей челкой тоже очень ей шла.

– Здорово играешь, – искренне сказала Ника.

– Ага. Спасибо.

Совсем не выглядя польщенной, Шанна подхватила скрипку, закинула на плечо спортивную сумку и медленно пошла в направлении площади. Ругая себя за нерешительность, Ника пристроилась рядом.

– Я тут принесла кое-что. Для Антона. Вот, – робко произнесла она и протянула пакет.

Шанна взяла его свободной рукой.

– Ага, – повторила она. – Передам.

Дивная многословность.

– Мне бы с ним поговорить...

– Ну и говори. Я-то здесь при чем?

– Я не знаю, как его найти. – Ника решительно вооружилась всем терпением, какое только нашлось у нее в запасе.

– А-а, в этом смысле. Ну, пошли.

Хотя, они и так уже шли. Невысокая Шанна в сапогах на толстой подошве, а рядом – Ника. Молчать в компании скрипачки оказалось на удивление комфортно.

Ника ходила по этой улице всю свою жизнь, но ни разу с нее не сворачивала. А ведь всего в нескольких шагах от центра город волшебным образом менялся. Совсем как маска с улыбкой в пол-лица и плачущей второй половиной.

Изнанка города пестрела дырами в заборах, стыдливо прятала за новостройками бараки наподобие Никиного «аварийного жилья». Штукатурка облетала с задних фасадов бывших купеческих домов, да и передние выглядели неухоженными. Слишком много «истории». Никому не нужной, но страстно желающей *быть*.

– Мы сейчас в общаге живем, – заговорила вдруг Шанна. – Холодно стало где попало ночевать. Открыли ночлежный сезон.

– И давно вы так... кочуете? – неуверенно поинтересовалась Ника.

– Чуть больше года. С тех пор, как Тоха школу закончил.

Собеседница оказалась словоохотливой. И вроде бы не темнила.

– И что, у вас совсем нет дома?

– Долгая история, – сказала Шанна и сморщила свой идеальный нос. – Тоха от родителей ушел из-за Игни. Я тоже от своей бабки свалила. На фиг делать то, чего не хочешь? Но сама бы я вряд ли до побега додумалась. Можно сказать, что Тоха меня спас. Даже не можно сказать, а в самом деле спас. Я ему жизнью обязана, ясно? Вот и помогаю им с Игни. Он ведь тебе рассказал?

– Э-э... Да. Но это странно.

Спутница Ники поежилась и попыталась закрыть шею воротником.

– Хах, думаешь, ты первая, кто так говорит? Что-то холодно сегодня, тебе не кажется? – Не дождавшись ответа, она продолжила: – Верить ему или нет – дело, конечно, твое. Только Тоха никогда не врет. Ну, почти никогда. Просто человек такой, понимаешь? Стой-стой, нам сюда...

И свернула – кто бы сомневался – к желтому обшарпанному дому, самому невзрачному на всей улице. Прямо под окнами первого этажа, трепыхаясь на ветру, сушилось постельное белье. Наверняка Антону пришлось сильно постараться, чтобы найти именно ТАКОЕ общежитие при том, что в городе полным-полно других, НОРМАЛЬНЫХ. Зато центр.

Черный мотоцикл стоял тут же, у подъезда. Из распахнутой настежь двери несло мешаниной запахов: жареный лук, сырая штукатурка и кошачья моча.

– Классный транспорт, – зачем-то сказала Ника. – Антона или твой?

– Вообще-то Игни. Мы с Тохой убежденные пешеходы. У нас даже прав нет. Ну, чего ты там застряла? Заходи давай! – Шанна явно чувствовала себя здесь своей. – Ты не представляешь, как здорово жить под целой крышей! Когда за шиворот не льется и по ногам не бегает, – откровенничала она все то время, пока они шли по длинному коридору. – Там у нас кухня, – кивнула она на одну из дверей. – Сейчас вещи брошу – и в магазин. Пельменей куплю, пожрем нормально. А то от фаст-фуда уже кишка кишке колотит по башке... Хай, Тоха!

Вслед за Шанной Ника оказалась в длинной узкой комнате. В самом дальнем ее конце, напротив арочного окна без шторы, восседал на табурете Антон Князев. Спиной к входной двери. Перед ним мерцал молочной белизной экран ноутбука. Судя по характерному стуку, Антон быстро набирал что-то и даже не подумал прервать свое занятие, чтобы

поздороваться. Так и разговаривал, глядя в экран.

– Ты сегодня быстро, – сказал он Тем Самым Голосом. Слушать бы и слушать.

– Удачный день, бро! – похвасталась Шанна. Скинула сумку на пол, опустила рядом футляр со скрипкой и подошла к приятелю, чтобы сунуть ему под нос открытый бумажник. Антон глянул, одобрительно цыкнул, и его пальцы снова забегали по клавишам. – А что у тебя?

– Да все отлично. Один заказ прям сейчас доделаю, еще за два заплатили. Если надо, завтра можем по магазинам прошвырнуться. Ты ведь хотела что-то из одежды прикупить?

– Новые ботинки, – обрадованно затараторила Шанна. – Тебе, между прочим. Ты вообще видел свои ботинки? Их же ни в один ремонт не принимают. Говорят, в таких только в гроб класть. Покойнику ходить не надо, а чтобы ходить – новые покупайте...

– Да видел я свои ботинки, не пыли.

– Кстати, Ник, где у вас тут рынок?

Антон резко обернулся – сообразил, что в комнате есть кто-то еще.

– Шаннка, конспиратор, чего не говоришь, что у нас гости?

Смутился, что ли? Зато отлепился, наконец, от своей табуретки.

– Да я вообще в магаз, – чирикнула та, – а вы пока это... общайтесь.

И скрылась за дверью. Антон и Ника остались наедине.

– Прости. Она иногда болтает не думая. – Ника не сразу поняла, что он извиняется за монолог подруги про ботинки. – Не очень-то у нас тут уютно, да? Ты проходи. Садись.

Единственным объектом для «садись» была та самая табуретка возле подоконника-стола. Ника заняла ее, попутно отметив, что ноутбук у Антона вполне ничего себе. Не из дешевых.

Антон остался стоять рядом, и теперь ей приходилось смотреть на него, задрав голову.

– Я тебе свитер принесла, – вспомнила вдруг Ника уважительную причину своего здесь появления. – Мама его отстирала.

– Передавай ей спасибо. Она у тебя мировая.

– А еще... – Тут следовало технично перейти к истинной цели визита, но это, конечно, не получилось. – Она почему-то думает, что ты можешь узнать про похищенных девушек. И про Ксюшу.

Антон не удивился.

– Я видел листовки. Игни мог бы попробовать что-нибудь выяснить. Он так сказал.

– Но? – произнесла Ника и добавила в ответ на его вопросительный взгляд: – Есть ведь какое-то «но», верно?

– Вообще-то да. Одно его условие. Не уверен, что ты согласишься...

Ника сама не заметила, в какой именно момент перестала мысленно хмыкать в ответ на эти «он» и «у него». Привыкла, наверное. А может, острое желание помочь Ксюше сделало неважным все остальное. Правда, насчет помощи тоже еще бабушка надвое сказала. Но это все равно лучше, чем просто сидеть и ждать новостей от полиции и волонтеров.

– Какое именно условие?

– Он хочет, чтобы ты поехала с ним, – ответил Антон неохотно.

– Я? С ним? – не ожидая такое услышать, Ника опешила. – Но куда? Зачем?

– Так и думал, что откажешься... – проговорил он, хотя она пока что, вроде, не отказалась. – Этого он не уточнил. Но я догадываюсь. Игни собирается найти... э-э... свидетелей.

– Свидетелей не было, – твердо сказала Ника. Она знала это точно. Все знали.

Никто ничего не видел.

– Они есть, – настаивал Князев. – Просто не совсем обычные. И они не станут говорить с Игни. Зато с тобой, возможно, да.

– Пф-ф, – выдохнула Ника сквозь зубы. Вот и как к такому относиться? – В принципе, я не против, чтобы куда-то поехать и с кем-то там пообщаться. Если это действительно поможет Ксюше.

– Ника, я и сам толком не знаю... Но ничего другого предложить не могу.

Она собиралась еще раз заверить Антона в окончательности своего решения, однако сделать это помешал хлопок двери. Вернувшаяся Шанна радостно потрясала пакетом с продуктами, горя желанием немедленно устроить пир.

От приглашения присоединиться Ника отказалась.

* * *

– Город совсем не изменился, – делилась за ужином мама. Из Черневского Труда она вернулась около полуночи. Ника поела раньше и теперь просто сидела рядом, чтобы маме не было скучно. Люстру включать не стали – довольствовались светом вытяжки над плитой и фонарей с улицы. – А помнишь Танечку Казакову, подружку твою по садику? Я ее на вокзале встретила. Она в Германии учится, как раз приехала родителей навестить. Из такой глубинки – а смогла, пробилась. И все-то у нее, знаешь, продумано. До самой пенсии распланировала. Вот выучусь, говорит, тетя Гель, работать буду, деньги откладывать, потом замуж выйду за немца... А в Труд возвращаться не собирается.

Никакую Таню Казакову Ника, конечно, не помнила. Но мама так увлеченно о ней рассказывала, что уточнять не хотелось. Перечислив многочисленные Танечкины достоинства, вспомнила наконец о более важном:

– А что насчет Ксюши? Есть новости? Ох, беда-то какая... Надо ее родителям позвонить. Сейчас уже, наверное, поздно...

Ника не успела ответить. В дверь постучали. Именно постучали – звонок давным-давно не работал.

Мать взглянула на дочь:

– Ты кого-то ждешь?

– Н-нет...

Ангелина Власовна пошла открывать. Ника осталась за столом и прислушивалась к разговору в прихожей.

– Здравствуй. К Вере? – спросила мама, как показалось Нике, напряженно. Еще и назвала ее этим дурацким именем. Сколько раз из-за этого ссорились.

– К вам. Покажите мне те места, где пропали девушки, – ответил пришедший.

Узнала голос. Еще бы не узнать.

– Ты и сам можешь выяснить, – не то вопрос, не то утверждение.

– Но не так быстро.

– Ну, проходи... – предложила мама. – Игни, верно ведь?

Игни. Ника почувствовала холод в груди. Она согласилась искать свидетелей похищения вместе с ним, но не думала, что это случится так скоро. Да еще ночью.

С Игни... Или Антоном. Хотя, вообще-то, какая разница?

А потом он зашел в кухню, и она сама себе ответила.

Похож. Даже очень. *Но не точная копия.*

Вообще, если не присматриваться – а Ника мгновенно отвернулась, – то можно спутать. Или в темноте, как тогда, на кладбище. Но если всмотреться (этим она занялась уже потом, когда убедилась, что он на нее не смотрит), то и волосы другие, и нос, и линия скул.

Похожи в целом, но разные в частности. Бывает же...

А высокий какой – можно сказать, высоченный. Наверняка на целую голову выше нее. Хотя, Антон, наверное, такого же роста, но в случае с Игни эта разница воспринималась иначе. Более ощутимо.

Теоретически Ника знала, что люди, страдающие раздвоением личности, способны перевоплощаться до неузнаваемости. И дело вовсе не в том, чтобы сменить старые джинсы на черные кожаные брюки, а пуховик – на байкерскую куртку с заклепками.

Даже не в умении управлять мотоциклом только по ночам.

Игни действительно выглядел по-другому. Смотрел и двигался по-другому. *Совсем иначе пахнул.*

Последнее невозможно было не заметить. Этот запах Ника уловила еще до того, как увидела самого гостя. Довольно сильный, горький, травянистый. Не поддающийся однозначному определению. Он не был приятным или неприятным. Он вызывал тревогу.

Ангелина Власовна тоже почувствовала. Прежде чем разложить на столе карту города, она приоткрыла форточку.

Это была та самая карта, на которой гадалка показывала места пропажи девочек их родителям. До сих пор карандашные галочки остались.

Игни – Ника решила, что все-таки не Антон, – подошел ближе. Исходящий от него горький аромат стал еще ощутимее.

Из-под ворота куртки виднелся край татуировки. Острые черные углы, часть какого-то орнамента, а по контуру – покрасневшая воспаленная кожа. У Антона точно не было ничего подобного.

– Я не знаю город, – произнес он, хмуро разглядывая схему. – Что здесь находится?

– Старая водокачка, – опередила маму Ника. – А вот это – заброшенная гостиница. Ее закрыли на реконструкцию несколько лет назад, но так и не начали ремонт. Вроде бы.

– Сразу две брошенки... – Игни задумчиво потер подбородок. – Если честно, фиговое совпадение. А третья?

Увы, для потустороннего существа, каким представляла его Ника, «вторая душа» выражался чересчур прозаично. Вот изрек бы сейчас что-то вроде: «То состояние, в котором я нахожу эти прекрасные образчики архитектуры позапрошлого века, повергает меня в глубочайший сплин и жесточайшую мехлюндию», – сразу бы поверила в его компетентность. А «фиговое совпадение» – так она и сама может.

Редкостная ерунда в голову лезла. Должно быть, нервное.

И из-за этой ерунды Ника прослушала, как мама предложила Игни погадать на своих камнях, но тот отказался – мол, несрочно.

– Надеюсь, я смогла тебе помочь, – заключила наконец Ангелина Власовна. И склонилась над столом, чтобы свернуть карту. – Время позднее. Нам с Вероникой пора...

– Спать.

Игни шепнул это слово ей на ухо. Потом вдруг посмотрел прямо на Нику, дважды

коснулся пальцем запястья – время! – и так же, жестом, дал понять, что будет ждать на улице.

Про карту мама забыла. Про все остальное, кажется, тоже. И медленно побрела в свою комнату.

Размышлять о произошедшем было некогда. Ника бросилась к себе, одним рывком натянула джинсы, вторым – толстовку. Сунула ноги в кроссовки. Куртку надевала на ходу, спускаясь по лестнице на улицу.

Мотоцикл стоял на обочине. Только сейчас она поняла, что ехать придется на этой чертовой пугающей штуковине. От одной только мысли в ногах появилась противная слабость, а в сердце – предчувствие неизбежной гибели.

– Ты ее загипнотизировал, что ли? Мою маму? – Ника тянула время. Спокойно! Срочно собраться и не паниковать!

– Это называется отвести глаза. Действует, правда, недолго. Обычно хватает как раз на то, чтобы слинять. Особенно здорово помогает, когда едешь без прав.

– А ты едешь без прав?

– Да шучу я... Садись, – Игни протянул ей шлем. Жутковатый, с мордой Хищника из голливудского фантастического боевика. Ника взяла его дрожащими руками.

Ну же, надо решиться.

Она мысленно порадовалась, что Игни не видел ее попыток забраться на сиденье. Получилось с третьего раза. Оказалось – удобно. Почти как в кресле. И немного радостно от того, что преодолела страх.

– Готова? Держись давай. – Судя по голосу, Игни улыбался. Видимо, обратил внимание на ее акробатические потуги. Он на ощупь нашел ее руки и заставил обхватить себя за талию. Точно, про «держаться»-то она и забыла.

– Ну, и каких же свидетелей мы будем искать среди ночи? – спросила Ника для того, чтобы скрыть смущение.

– Самых лучших. Мы будем искать Есми.

– Да пей, не бойся. Не отравлю, – шамкает странная старуха, которая просит называть себя Наставником. Плещет в чашку зеленоватую бурду с резким запахом. Вид не вызывает желания пробовать. – Голова-то и сейчас, небось, болит?

Киваю, не удивляясь, откуда она это знает. На моем лице, наверное, написано, что живу с постоянной долбежкой в висках. Привык и не надеюсь на облегчение.

– Пройдет, – говорит она с убежденностью.

Особо не верю, конечно, но послушно делаю маленький глоток. Лимон и мята. Вкус довольно приятный. Сначала ничего не происходит. Под выжидающим взглядом старухи снова подношу к губам чашку. И вдруг ощущаю, что боль притупляется, а затем исчезает вовсе. Очертания предметов вокруг становятся резче, и сами они видятся теперь отчетливей. Наверное, были такими и раньше, просто я этого не замечал.

Зато теперь с удивлением и даже радостью люблюсь корявым алоэ на подоконнике, ветхой скатертью и зонтиками сушеного укропа, которые зачем-то развешаны под потолком. Под каждым колышутся вялые нити паутины.

– Как вы обо мне узнали? – спрашиваю, окончательно осмелев.

– А чего тут узнавать-то? Днем и ночью по городу бродишь – это раз. – Она загибает один крючковатый палец, а я одним глотком осушаю чашку до дна. – Полынью за версту несет – это два. Кто ж тут двоедушника не распознает?

– Двое... кого?

– Душника, бестолочь! – внезапно горячится старуха. Спасибо, хоть клюкой не огрела. Вместо этого бухнула на стол передо мной стопку книг в засаленных обложках. Не старинных, а просто старых. – Читай. Про тебя – на букву «дэ».

Беру верхнюю. Ага, «Мифы русского народа». Открываю наугад: «Например, заблудившись в лесу, человек, живущий по законам мифа, знает, что это леший сбил его с дороги...»

Сказочки? Издевается, что ли?

Кажется, отношение к происходящему слишком явно отражается на моем лице.

– Сказала же – на «дэ»! – Старуха все-таки тыкает мне в ногу своей палкой.

Уф-ф... Листаю. Нахожу. Читаю вслух:

– «Двоедушники – люди, рожденные с двумя душами – человеческой и демонической».

Ну все, думаю, началось в колхозе утро. Сейчас начнет доказывать, что я одержим бесами, и мне срочно необходим ритуал изгнания.

Дальше – больше:

– «Из Двоедушников происходят вампир, мора, волколак, босорканя...» Э-э...

– Читай, читай.

– «В то время как вторая душа блуждает по свету, – послушно продолжаю я, – Двоедушник крепко спит, и разбудить его, пока она не вернется назад в тело, невозможно...» – Ну, это я и без «Мифов» понял. – «Если изменить местоположение спящего Двоедушника (например, повернуть его головой на то место, где были ноги), душа не сможет вернуться, и Двоедушник...» Умрет?

Старуха молча кивает с прикрытыми глазами, как сонная черепаха. Теперь продолжаю читать без прежнего скепсиса. Можно сказать, со страхом.

– «Как правило, вторая душа Двоедушника блуждает по ночам, а под утро возвращается...» – в точку. Можно подумать, автор трактата лично знал пару-тройку таких, как я. И вот добивает меня окончательно: – «Полагают также, что потребность второй души покидать тело и вредить людям не зависит от личной воли Двоедушника, что это происходит, когда наступает определенный момент, и тогда Двоедушник вынужден делать это, иначе он умрет...»

Опять это слово!

Узнать еще десяток причин гибели двоедушников – то есть таких, как я – мешает морщинистая рука, которая накрывает страницу.

– А теперь выслушай меня, мальчик, очень внимательно. Повторять не стану.

И я действительно ловлю каждое слово Наставника. Потому что чувствую: больше мне никто никогда этого не расскажет.

– Если однажды твоя вторая душа не вернется, ты умрешь. Если он не будет выходить на охоту, ты умрешь. Но как только расплатится за твою жизнь, он покинет тебя навсегда. Будешь жить, как обычный человек...

– М-м, Наставник... – перебиваю я, заранее напрягаясь в ожидании контакта ноги с клюкой. Но старуха меня прощает. Кивает – говори, мол, так и быть. – Он действительно будет... вредить людям? И я не смогу ему помешать?

– Ты задаешь правильные вопросы. – В подтверждение этого получаю дополнительную порцию приятного лимонно-мятного зелья и кусок пирога впридачу. – Сможешь помешать. И должен, потому что отвечать за него придется тебе, – поясняет старуха, а я вдруг понимаю, что меня больше не напрягает ее невнятная речь. Беспокоит другое. То, что она говорит, не совпадает с тем, как она выглядит. Как будто из старушечьего тела вещает кто-то совсем другой. – Это сложно. Но я научу, – продолжает она тем временем. – Только есть одна вещь, которую ты должен узнать прямо сейчас. Самая главная. То, с чем придется жить, пока он не расплатится и не уйдет.

Я не позволяю себе подать голос. Просто всем видом демонстрирую, что готов слушать дальше.

– Никакой постели!

Фраза прозвучала старомодно, но я понял, что речь не о подушках с одеялами.

Не то чтобы она меня поразила. Но все же... Никакой постели?

В свои почти семнадцать я не представлял, что такое встречаться с девушкой. «Постель» светила мне разве что в мечтах. В классе имел репутацию дурачка со справочкой. Никакого интереса со стороны девчонок. Вдруг буйный. Одноклассники не просто по широкой дуге обходили – они меня еще и побаивались.

Все, кроме Лены.

Ее обходили тоже. Просто так, без причины.

С виду не уродина. Даже наоборот. Только когда говорит, ничего непонятно. И все время прячет руки за спину. Но это же не повод...

Лена пришла в наш класс в середине года, и ее просто не приняли.

Мы с ней сидели за последними партами. Оба были одними из худших по успеваемости.

Не то чтобы я предложил ее проводить. Не то чтобы она согласилась. Мы просто двигались в одном направлении с одинаковой скоростью. Нам было по пути. Каждый день.

Она всегда сама тащила свою сумку с учебниками и не настаивала на беседе. Меня это устраивало.

Возле своего подъезда она говорила «пока» и уходила. Я тоже говорил «пока» и уходил.

В тот раз она задержалась. Постояла молча, а потом зачем-то поцеловала меня в щеку. Пока я соображал, что надо делать в такой ситуации, она поцеловала меня еще раз. Теперь уже в губы. А потом сказала «пока» и ушла.

Я тоже сказал «пока» и ушел.

Думал о Лене весь остаток дня и вечер. Своим поступком она что-то со мной сделала. Можно сказать, как ни старался, думать о другом не получалось. Вряд ли это была любовь. Что-то иное. Не любовь. Просто стыдные мысли.

А ночью Игни чуть не убил человека.

Да, мужик и сам упорно нарывался. К тому же он был сильно охмелевший. Ему не понравилось, что Игни припарковал мотоцикл у подъезда. Мотоцикл стоял нормально. Никому не мешал. Кроме того мужика. Слово за слово – зацепились. Драка.

Провокации случались и раньше. Но Игни никогда на них не велся.

Наутро мне хотелось фигануться из окна.

Полиция, шок в глазах родителей, уверения, что ночью я был дома и у меня нет никакого мотоцикла. Комиссия по делам несовершеннолетних. Деньги, уговоры и мой старый добрый друг Пал Валентиныч. Психиатр.

Но я бы никогда не подумал, что между тем случаем и поцелуем Лены есть какая-то связь.

Черт знает что.

Так я думаю. Чертыхаться вслух, разумеется, не осмеливаюсь. Но честно признаюсь, что ничего не понимаю.

– Воздержание, Антоша, – объясняет она терпеливо и наверняка не мне первому, – это твой единственный шанс на власть над второй душой. Только так ты сможешь не подчиняться Игни, а подчинить его себе. Но для начала ты должен подчинить себе себя самого. Обуздаешь все то, что делает тебя слабым, – накинешь узду на него. В любой момент остановишь его руку, занесенную для удара, и заставишь ползать по земле, умоляя тебя прекратить эту пытку. Ты – примарант, первая душа. Тебе решать.

Все это звучит как избавление от главного из моих кошмаров, но я не готов дать ответ прямо сейчас. Мне требуется время, чтобы окончательно расставить приоритеты.

– Думай, Антоша, думай... Как надумаешь – приходи. А то ведь знаешь, как оно говорится. Человек закован в свое одиночество и приговорен... – Наставник делает паузу, предлагая мне тем самым закончить фразу самому. Но я теряюсь. Тогда она зловеще тянет: – к сме-рти... Так говорил Лев Николаевич, свет наш, Толсто-ой...

У меня мелькает ощущение, что если я снова сюда вернусь, то она получит мою душу в пожизненное рабство. Точнее, обе моих души.

– Вы тоже? – спрашиваю я уже на пороге. Она глядит вопросительно. Или попросту не расслышала. Формулирую точнее: – У вас тоже есть вторая душа?

– Была, – говорит она и машет сморщенной, похожей на куриную лапку рукой. – Да сплыла, родимая.

И закрывает передо мной скрипучую деревянную дверь.

Куйбышевская водокачка и Ляхово

Сначала Игни натянул поверх куртки нечто вроде портупей, потом достал из сумки-багажника шипастые шары на цепях. Свернув кистени, он закрепил их за спиной. Судя по тому, как быстро он экипировался, процесс был отработанный и совершался машинально.

На бетонной набережной одиноко высилась башенка с круглыми окнами, похожими на глаза. Какой-то остроумный шутник-граффитчик пририсовал мясистый нос и широко открытый зубастый рот.

Выразительная такая получилась голова...

Но первая девушка была похищена не отсюда.

«Елизавета Королева», – вспомнила ее имя Ника. Вслед за второй душой она двинулась дальше, к темнеющему за деревьями полуразрушенному зданию. «Зачем тебя вообще сюда понесло, Лиза?»

Огромные арочные окна на первом этаже, исполинские трубы, торчащие из земли. Белые квадратные колонны и красный кирпич стен.

Заходить внутрь категорически не хотелось.

– Здесь жди, – скомандовал Игни, и Ника ощутила прилив благодарности. Чтобы не совсем снаружи топтаться, она все-таки сделала шаг под уцелевший над дверью козырек. Игни пропал из виду почти сразу.

Темнота здесь была какая-то рваная в тех местах, где крыша еще сохранилась, лежала плотной густо-черной массой, а под открытым небом расплзалась, как старое одеяло. Ника не видела, что делал Игни, но до нее доносились отзвуки его шагов.

Внутри, должно быть, полно колодцев.

Под ногами виднелись шестиугольники чудом сохранившейся плитки. От нечего делать Ника попыталась представить, как все это выглядело раньше. Суется люди. До блеска начищенные трубы. Безостановочно работающие насосы с циферблатами и огромными вентилями. Когда-то здесь кипела работа, а теперь прорастает трава.

Задумавшись, Ника не сразу поняла, что больше не слышит шагов Игни. И вообще ничего – в заброшенном зале воцарилась полная тишина.

– Эй, – негромко позвала она. – У тебя там все в порядке?

Ни звука.

Осознание того, что она стоит одна посреди развалин, практически в лесу, вдалеке от людей, дорог и фонарей, пронзило ее насквозь.

Ника нерешительно шагнула в дверной проем и остановилась, чтобы приглядеться. Когда глаза немного привыкли к темноте, она смогла различить узкие проходы между прямоугольными дырами в полу. Самоубийственно даже соваться...

Выдохнула. Пошла.

А что, если Елизавета Королева вообще не пропадала? Интересно, обыскивала ли полиция эти ямы? Да тут и кроме них много мест, куда можно...

– Жить надоело?

Ника вздрогнула и чуть не оступилась. Игни возник из ниоткуда. Схватил ее за руку и потащил обратно на улицу. Еле успевала ноги переставлять.

– Ты не отзывался, и я подумала...

– Думаю здесь я, – рявкнул он неожиданно. – А ты стоишь там, где тебя оставили, и

никуда не суешься. Еще раз так сделаешь – можешь забыть о моем предложении кого-то там искать. И без тебя проблем до чертиков.

Надо же, какой строгий! Ника собралась было обидеться – никогда прежде никто так грубо с ней не разговаривал, – но передумала. Пусть злится. Лишь бы помог.

– А что там с... э-э... Есми? – спросила она, следуя своей последней мысли. И приготовилась к новому всплеску негодования. Но его не последовало.

– В колодце никого. Были, точно. Совсем недавно. А сейчас нет.

– Это плохо?

– Это необычно.

Почти бегом они вернулись на то место на набережной, где оставили мотоцикл. Между бетонными плитами и рекой светлела узкая полоска песка с травой и тиной. Именно туда и устремился сейчас Игни, а Ника остановилась в нескольких шагах – там, где он отпустил ее руку, прежде чем прыгнуть вниз, к воде. Мало ли, вдруг это тоже было что-то из разряда «ты стоишь там, где тебя оставили»?

– Теперь-то чего тупим? – проворчал и снова потянул за собой.

Не угадала...

Подошвы ботинок погрузились во влажный песок с негромким «чваф-ф».

– Здесь есть, – отрывисто сказал Игни. Присел возле самой кромки воды, опустил в нее руку и замер. Словно глубоко задумался и забыл, зачем пришел. Ника тоже застыла. Интуитивно поняла: вот-вот случится что-то очень жуткое. **ОЧЕНЬ**. Как никогда в жизни. Даже в голове зашумело. Перед глазами остался только Игни – и вода. Много воды. Все остальное вокруг превратилось в подобие темного туннеля. И страшно было даже искоса взглянуть на стену этого туннеля, казалось, его тьма затянет в себя. Или того хуже – *впитается в саму Нику...*

– Есть, – повторил он спустя пару минут напряженного молчания. А после сделал то, чего Ника совсем не ожидала.

Поднялся и крепко обнял ее со спины. Как тисками сдавил – не пошевелиться. И зашептал в самое ухо:

– Меня он видеть не должен. Я говорю тебе, ты передаешь ему. Поняла? Повтори.

– Да, но...

– Повтори, сказал! – потребовал он и еще сильнее стиснул Никины плечи.

Голова и так была, как в тумане, а внезапная близость Игни спугала все окончательно. Ника тряслась, но не от холода. Она ничего не понимала. Хотела все делать правильно, но не удавалось. И то, что делал он, пугало и волновало одновременно.

– Я говорю ему то, что ты говоришь мне, – выговорила она наконец.

– Умница, – похвалил Игни, после чего, сам себе противореча, зажал ей рот ладонью.

Если бы не это, истошный крик распугал бы всех здешних призраков.

Потому что сразу вслед за этим из воды показалась тощая белая рука. Бледная, но явно человеческая рука.

Или уже не совсем человеческая?

Шлеп – впечаталась в илистый берег скрюченная пятерня. Шлеп – вторая. Кто-то медленно выползал ей навстречу из-под воды.

Лишенная возможности кричать, Ника попыталась вырваться из объятий Игни – безуспешно. Все равно, что в ванной с цементом. Свободными оставались только ноги. Чем она и воспользовалась – сначала пыталась пинаться, потом просто бессильно болтала ими в

воздухе, чувствуя, что задыхается. Беззвучно орала все ругательства, какие только пришли на ум. Кажется, даже кусалась.

Вслед за руками из воды показались голова и плечи. Кровь гулко пульсировала у Ники в висках. Привычный мир разлетался. Вдребезги.

– Сейчас я тебя отпущу, – отрезвил ее уверенный голос Игни. Ника дышала тяжело и шумно, как бегун на длинной дистанции, но, пожалуй, снова могла себя контролировать. – Только, пожалуйста, не ори. Я здесь. Он ничего тебе не сделает.

Нет-нет-нет! Ника прильнула к нему всей спиной, обхватила руками. Только бы не отпускал, иначе ее несчастное сердце перестанет биться, а рассудок навсегда потеряет ясность, потому что это проще, намного проще, это **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРОЩЕ**, чем поверить в увиденное.

– Если ты мне поможешь, я позволю тебе уйти, – скороговоркой заговорил Игни.

Ника растерялась. И только после чувствительного тычка в спину вспомнила, что нужно делать.

– Если... т-ты мне п-поможешь... – с запинками принялась повторять она.

– Я хочу знать, кто увел отсюда девушку с рыжими волосами.

– Я х-хочу з-знать...

– Кто... ты... такая?

У существа оказался слабый голос. Оно не говорило, а выдыхало слова из впалой груди. Еще Ника заметила, что его ноги скручены проволокой. Наверное, поэтому оно так и не встало с земли, продолжая полулежать, приподнявшись на тощих руках. А теперь вознамерилось рассмотреть ее повнимательней.

– Раз я смогла позвать тебя, то и ответить заставлю, – подсказал Игни.

– Не угрожай... Меня мало что пугает там, где я сейчас нахожусь... – Его улыбка оказалась вполне человеческой. И ямочки на щеках. Черты лица казались неуловимо знакомыми.

Несмотря на кажущуюся хрупкость, двигался речной житель довольно шустро. Ползком перемещался вокруг, подтаскивая тело вслед за руками, и вынуждал Нику поворачиваться, чтобы оставаться к нему лицом. Игни по-прежнему держал ее за плечи. Не сбежать.

– Я тебя сразу узнал... – выдохнул Есми. – Ты приходила сюда. Стояла там, на мосту. – И указал рукой со слипшимися пальцами. – Плакала. Сильно плакала. До сих пор во рту солено... – Он почмокал распухшими от воды губами. Выглядело это отвратительно. – Ты не хотела жить?

– Хотела, – ответила Ника, на сей раз без подсказки Игни. – И сейчас хочу. Очень.

– Вот и я хотел... Жить... Меня жена ждала. Дочка маленькая. С работы. Не вернулся. Связали ноги, кинули в воду. Деньги. Колбасный завод. Не дождалась. Ненавижу. Теперь я их жду. Здесь. Ненавижу. Давно жду. Холодно...

Ника вслушивалась в бормотание Есми, который перестал наконец таскаться по песку и замер прямо у ее ног, и внезапно у нее в голове мелькнула догадка.

– Горан Карпович? Вы – Горан Карпович?

Конечно. Она уже слышала и про колбасный завод, и про женщину, которая, не дождавшись пропавшего без вести супруга, нашла утешение в объятиях его партнера по бизнесу. Эта история периодически всплывала в новостях, но не в связи с несчастным супругом, о котором все благополучно забыли, а благодаря его повзрослевшей дочери. Валерия Карпович. Ярчайшая представительница городских мажоров. Одна из немногих.

Постоянный объект интереса местных СМИ. Тема для осуждения и порицания. При этом журналисты и вспоминали – мельком, вскользь, – ее лет двадцать как исчезнувшего родителя. С вялыми домыслами о том, куда же он мог подеваться.

Вспоминали, впрочем, все реже. Да и фото двадцатилетней давности почти не показывали. Какой смысл. Если и жив, то наверняка сильно изменился.

А у него по-прежнему та же улыбка и ямочки на щеках.

– Давно жду, холодно... – твердил утопленник, как заведенный, все то время, пока Ника рассказывала ему про дочь. Намеренно опустив подробности образа жизни Валерии Карпович.

Игни уже не подавал голос. Слушал.

– Скажите, вы видели здесь девушку с рыжими волосами? Она приходила к водокачке. Кто-то увел ее. Кто это был? – вернулась Ника к тому, с чего начала, уже по указанию Игни. Иначе и дальше слушала бы причитания несчастного существа, с каждым словом все сильнее проникаясь к нему жалостью. Жил себе человек. Любил жену и дочку, во что-то верил. Работал, думал, добивался. Но все это неважно, когда лежишь на дне реки...

– Не видел, – просипел Есми. С каждым словом из его рта по подбородку стекала вода. – Но знаю важное. Тебе скажу. Ты мне имя вернула. Дочь вернула. Я тебе скажу. Наклонись. Ближе. Еще...

Словно под гипнозом, Ника попыталась опуститься, но Игни ее удержал. Тогда Есми сам встал на колени и задрал голову. Его белесые, отдавшие свой цвет реке глаза смотрели на Нику снизу вверх.

– Тех, из колодца, забрал Птичий Пастырь.

Он протянул к ней свободную руку. На сморщенной от постоянного пребывания в воде коже поблескивали капельки влаги.

– Я не могу, – почти простонала Ника, как только поняла, что он желает к ней прикоснуться. – Не могу, не надо... Простите! – прибавила она и шарахнулась в сторону.

Она сделала то, чего не должна была делать. Потерявший бдительность Игни оказался лицом к лицу с мертвецом.

– Неживой! – обрадовался утопленник. Чуть не подпрыгнул от восторга, связанные ноги не позволили. – А мы тебя ищем. А ты сам пришел.

«А мы тебя ищем, а ты сам пришел», – приговаривал он, даже когда Игни резко выхватил из-за спины свои кистени. Едва успел – шипастые шары в последний миг отбросили в сторону летящее на него белое тело.

Существо плюхнулось в темную воду, подняв фонтан брызг.

– Ника, беги!

– Бежим вместе, чего ты ждешь? – Она заметалась, не решаясь ни подойти ближе, ни бросить его одного.

– Уходи, говорю! – заорал он ожесточенно, а сам двинулся к воде, навстречу уже выбиравшемуся на берег неугомонному Есми.

Дзынь. Кхр-р. Игра «кто быстрее». Охотник и жертва. Нет, оба охотники. Или жертвы. Как посмотреть.

Цепи раз за разом рыхлили влажный песок, но так ни разу и не коснулись того, кто метался вокруг Игни бледным угловатым перекасти-полем.

Оба слишком быстрые – не уследить. Только звуки. Много, разные. Звяканье цепей, плеск воды, глухие удары и хриплое, шумное дыхание того, из реки.

Игра «кто раньше устанет». Тот, что кажется живым или тот, что мертвым. Хотя оба мертвые...

Наконец одна из цепей обмоталась вокруг руки утопленника. И он, и Игни замерли, как будто сами не ожидали такого поворота. Игни сделал рывок вниз, на себя. Цепь протащила упавшего Есми по песку к ногам второй души, где тот и остался лежать, неестественно выгнувшись. Как изломанная кукла в человеческий рост. Глядел почему-то на Нику. И шевелил губами. Улыбался? Ей?

Игни занес руку для последнего удара.

– Оставь его. Пожалуйста. Не надо.

Теперь на нее смотрели оба.

– Пожалуйста, – с нажимом повторила Ника.

Шар с шипами по широкой дуге опустился вниз. Мимо.

Игни рывком освободил второй кистень. Цепь разматалась и снова отбросила того, кто был когда-то Гораном Карповичем, в воду.

– Пошли, Мать Тереза, – сказал Игни и размашистым шагом направился к мотоциклу.

Ника с трудом поспевала за ним. Перед глазами все плыло. Как будто это ее сейчас... Только что не...

Как будто это ей угрожала смерть.

– Что теперь будет?

– Шашлык из меня будет, – отозвался Игни равнодушно. – Думаешь, просто так сказал, что он не должен меня видеть? Сейчас остальным растрезвонит, и готово дело. Вода – она везде. Из тарелки супа достанут... Ты-то чего задержалась?

– Он хотел до меня дотронуться... – Даже сейчас от этой мысли ее начинало потряхивать.

– Ладно, чего теперь... Садись. Времени мало.

Оружие в багажник он не убрал. Оставил за спиной. *Просто забыл?*

Уехали, правда, недалеко. Игни остановил мотоцикл там, где уходили в землю громадные опоры одного из девяти городских мостов. Снял шлем, обернулся.

– Слушай, я вернусь ненадолго. Хочу кое-что проверить. Птичий Пастырь еще этот... Ничего так и не прояснилось. Подождешь?

Зачем спрашивал? Ответа все равно не дождался. Бросил ее у черта на куличках. Ключ из замка зажигания забрал. И ушел.

Только сейчас, оставшись в одиночестве, Ника поняла, что дрожит, – то ли от холода, то ли от всего увиденного. А может быть, оттого, что ей страшно жить в этом новом городе. Среди парней с двумя душами и бледных созданий, обитающих на дне водоемов.

Даже мама разбирается во всем этом лучше. Нет, не просто разбирается. Она гармонично существует с таким знанием внутри.

Ника сунула руку в карман, нащупала телефон и ключи от квартиры. Все-таки некоторые вещи были неизменными, как смена дня и ночи.

По мосту над головой пролетали редкие машины, а здесь, внизу, плескалась невидимая в темноте вода и пахло сыростью.

Да, некоторые вещи неизменны.

Ей по-прежнему дорог этот город. Каким бы он ни был и что бы еще не предстояло о нем узнать.

Мрачного парня, который держал ее за плечи, почему-то тоже хотелось записать в

разряд неизменностей.

Последняя мысль была прервана неожиданным появлением второй души. Игни молча спрятал в мотокофр свою железную амуницию, звякнул ключами – дерганный, резкий.

– Хочу кое-что тебе показать.

– К-конечно, – кивнула Ника, заранее робея оттого, что сейчас снова придется его обнимать. – А что именно?

– Я знаю, где сейчас первая пропавшая.

– Тебе утопленник сказал? Он все-таки вспомнил?

– Неважно. Так ты едешь?

Еще бы!

Ника с готовностью протянула руку за шлемом.

И город рванулся им навстречу.

* * *

Ника никогда не бывала здесь раньше. Видела это место только из окна троллейбуса. Сотню раз мимо проезжала. Обычная остановка. Серые кирпичные пятиэтажки. Овраг. Деревья. Но про психиатрическую лечебницу знала. Как и любой горожанин.

Ляхово. Когда-то была деревня, а сейчас – городской частный сектор. Но для всех название служило синонимом сумасшедшего дома. В каждом городе своя психушка.

Игни петлял дворами. Порой Нике начинало казаться, что он попросту заблудился. Частные домишки, гаражи, повороты, словно ведущие их по кругу, редкие фонари, затем вообще пустырь. И наконец – бетонный забор, возле которого они остановились.

От запаха полыни в сочетании с видом этого забора на душе заскребли кошки.

Едва сняв шлем, Игни потянулся и закурил.

– Идем, – сказал он и направился к щели между двумя плитами. Судя по всему, наличие здесь лазейки секретом не было – к ней вела тщательно утоптанная тропа.

– Она что, в сумасшедшем доме?

Ника взобралась на бетонное основание, с легкостью протиснулась на другую сторону и прыгнула не глядя – все равно ничего не было видно, темень полная. Игни придержал ее за талию. Смягчил приземление. И нетерпеливо потянул дальше.

– Не совсем так.

– А ты откуда знаешь?

– Все равно ничего не поймешь.

– Здесь тоже есть Есми?

Ника допытывалась не из простого любопытства.

Когда он говорил с ней, было не так страшно.

– Да, – Игни отвечал словно через силу. И ускорял шаг. Теперь они почти бежали. – Но сейчас они нам не нужны.

Под ногами теперь была асфальтированная дорожка, как в парке. А вокруг – деревья со следами весенней побелки на стволах. Разбросанные тут и там двухэтажные корпуса, каждый за своей оградой. Некогда красные, а сейчас почерневшие, с высокими окнами, до середины заложенными кирпичом на первых этажах. Одноэтажные беленые здания. Возле одного из таких, совсем небольшого, с уютным палисадником, Ника заметила угловатые

очертания качелей и горки. Фонарь над входом, решетки на окнах, даже на втором этаже. Детское отделение.

Кое-где желтели окна: в темных утробах корпусов слабо светились ночники дежурных. Игни спешил дальше. Двигался целенаправленно, будто по внутреннему навигатору. *Или кто-то невидимый в свою очередь тащил его за руку.*

В глубь территории, к заброшенному корпусу.

Белый фундамент выделялся в темноте единственным светлым пятном. Красные кирпичные стены здания терялись во мраке единственного неосвещенного уголка больничной территории.

Чем ближе они подходили, тем меньше Нике хотелось продолжать этот квест.

И расхотелось окончательно, когда на черном асфальте она увидела нечто еще более темное. Большое пятно с вытянутыми краями, похожими на раскинутые руки. От этой пугающей поблескивающей кляксы тянулся к зданию длинный влажный след. И исчезал внутри.

— Здесь она упала, — сказал Игни. — Потом ползла. Пошли.

Когда Ника наконец поняла, *что* это такое, она резко зажала рот обеими ладонями. К горлу подкатила тошнота.

Это с какой же высоты нужно было рухнуть, чтобы так... размазало?

Внутренний голос умолял ее остаться на месте. Пусть Игни сам туда лезет, раз так нужно. Желудок умолял о том же.

Но Ника пошла. И шагнула внутрь под невнятное бормотание второй души о каком-то полупути.

Она почти ничего не видела. Нащупывала ногой место почище, делала шаг, молилась, чтобы не провалиться вниз, в подвал, и, наоборот, не получить по затылку чем-нибудь, рухнувшим сверху. Игни ушел вперед. Вернее, просто сгинул. Кажется, темнота его совсем не смущала.

В стылом ночном воздухе ощущался сладковатый запах чего-то *органического*, не принадлежащего этому зданию. И все той же полыни.

Штукатурка на стенах шелушилась, обнажая отсыревшую дранку. В одном месте в потолке зияла дыра, из которой свешивались доски пола второго этажа. Такие же дыры темнели в полу на первом.

Нику подвела ее осторожность. Почувствовав под ногой достаточно твердую поверхность, она смело на нее ступила, но подошва ботинка поехала на чем-то скользком. Потеряв равновесие, Ника рухнула на обломки перекрытия.

В воздух поднялось облако известковой пыли. Ника тяжело закашлялась, стараясь не вдыхать слишком глубоко. Встала на колени — кажется, кости целы... Потерла слезящиеся глаза — и с воплем вскочила, прижавшись спиной к стене с остатками кафельной плитки. Здесь было чуть светлее благодаря оконному проему. Лиза Королева тоже была здесь.

Ника увидела босые ноги. Облупившийся красный лак на ногтях. Она не должна была видеть. Девушка лежала лицом вниз. Но ступни почему-то были вывернуты кверху. Выше на джинсах — тоже красное... и вокруг. Много. И так же поблескивает, как влажный след, который тянулся с улицы.

Игни мгновенно оказался рядом. Обнял ее и попытался увести, но Ника не держалась на ногах. Хотел отойти — вцепилась и не отпускала. Тогда он снял с себя куртку, накинул ей на плечи и держал, держал крепко, стараясь унять ее дрожь.

– Я что, умерла?

Чужой, незнакомый голос. Ника замерла. Игни не позволил ей посмотреть.

– Я умерла, да?

Голос с хрипотцой. Низкий, дрожащий. В эту минуту – от явного ужаса.

– Почти, – ответил Игни. – Ты застряла.

– Я не хочу! – Визгливые нотки. Режущие слух. – Что со мной произошло? Это что... я?

Вторая душа отпустил Нику, шагнул вперед. Он был безоружен.

– Я могу тебе помочь.

– Я умерла! – взвизгнула девушка-Есми. – Чем ты мне поможешь?

– Помогу уйти.

Медленно ступая, Игни подошел к ней совсем близко. Теперь их разделяло только лежащее на полу тело самой Лизы.

– Пообещай, что не будешь сопротивляться.

– Я боюсь. Не хочу, чтобы было больно. Я больше не выдержу.

Она дернулась в сторону, намереваясь сбежать, но Игни удержал ее за рукав. Рванул на себя, обхватил, прижал. Ника украдкой за ними наблюдала. Теперь двое казались единым целым.

– Я сделаю небольно. Я умею, – процедил Игни сквозь зубы. Как будто ему самому был невыносим такой тесный контакт. – Ты только не сопротивляйся. Иначе ничего не получится.

В наступившей тишине отчетливо слышался каждый шорох. Вторая Лиза учащенно дышала. Но уже не плакала.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Ника шевельнулась – ноги затекли. Игни обернулся на звук. Похоже, он вообще забыл, что она тоже здесь.

– Выйди, – попросил он негромко. – Подожди меня на улице. Не надо тебе на это смотреть.

Ника и сама не хотела.

Кое-как она доковыляла до выхода, то и дело оступаясь на осколках битого кирпича, выбралась наружу, держась рукой за стену, и тут же сползла по ней на верхнюю ступеньку крыльца.

Судорожно сглотнула, борясь с тошнотой.

Игни был последним, кого Лиза обнимала перед уходом. Ее последним парнем.

Так больно, наверное...

Он задержался ненадолго. Выходя, едва не споткнулся о съезжившуюся на крыльце Нику.

– Надо позвонить в полицию, – сказала она блеклым голосом.

– Сам все сделаю.

Он продолжал стоять на месте. Поцелкал зажигалкой. Ника ощутила табачный дым.

– Это была ее душа?

Помолчал, сделал несколько затяжек. Выдохнул в сторону.

– Не душа. Есми.

Гадкое слово.

– Душа бесплотна, – пояснил он. – Есми выглядят так, как выглядели люди при жизни. Они думают, что все еще живы. Они... просто Есми, ну, как тебе еще объяснить?

Можно вообще ничего не объяснять.

– Почему ты не нашел ее раньше? Почему только сейчас?

– Ты уже спрашивала. Это сложно. Ты не поймешь.

И он пошел прочь. Как ни в чем не бывало. Словно не побывал только что там же, где побывала она.

А Ника впервые в жизни пожалела, что не курит.

Итак, мы перешли от обороны к наступлению. «Мы» – это, разумеется, Князев. Вооружен, как морпех, и очень опасен. Посмотрим, что у него тут за арсенал... «Мифы русского народа». М-м, ценно. «Славянская мифология». Не книга, а кладезь полезной информации. И – барабанная дробь – «Энциклопедия русских сказок»!

Ранен и убит.

А я-то гадал, чем он себе мозги фарширует вот уже несколько дней. Решил убедить себя в том, что я – сказочный персонаж? Типа уйдите от меня, большие серые пятна...

Хотя черт с ним, пусть побалуется.

Думая так, наворачиваю круги между могилами. На этот раз остановились в какой-то глуши. Ни живых, ни мертвых. Вот и приходится на кладбище опшиваться. Здесь, наверное, лет тридцать никого не хоронили. Потому что лет тридцать как некого хоронить.

Только зря время трачу. Пусто, стерильно даже.

Возвращаюсь. Просто иду и смотрю по сторонам. От самого кладбища мало что осталось. Еще немного, и лес скроет остальное. Решетки, служившие когда-то оградами, лежат вповалку. Трава пробивается сквозь прутья. Могилы сровнялись с землей. Редкие кресты. Обломки гранитных плит.

Ну, думаю, начитается он этой мифологической фигни – дальше-то что? Бабка ведь не просто так ее подсунула. А зачем – не знаю. Да вот так, не знаю, и все. Пока они с Князевым шептались, я... Отсутствовал, короче. Все дело в том вареве, которое он у нее пил. Мозговывшибательная дрянь. Хоть в комитет по защите прав вторых душ жалобу подавай.

Шучу неумно. Никто меня не защищает. Сам за себя.

Ладно, к черту, привычно отмахиваюсь я от лишних мыслей и почти уже ухожу, когда вдруг слышу его.

Очень тихий. Далекий. Но в окружающем звуковом вакууме мне хватает и этого.

Плач Есми.

Он не здесь, не на кладбище. За территорией. Причем с противоположной стороны.

Суицидник, что ли?

Делать нечего – двигаю туда. Если повезет, то даже возиться не придется.

Замечаю издаലെка. Суицидник, точно. Суицидница.

Алое платье в белый горошек. Старомодное, в пол. Черные волосы, сама бледная, как все Есми, с бесцветными глазами. Бежать не пытается. Ждет, пока подойду.

Ну, разумеется... Петля на шее. Зрелище еще то. Когда я приближаюсь, она доверчиво протягивает мне конец веревки.

Сколько же тебе было, когда ты... Четырнадцать? Пятнадцать?

Я понимаю, чего ты хочешь. Я, в общем, хочу того же. Просто как-то... тоскливо и тошно. И ты еще тут со своей веревкой.

Сам же не хотел возиться. Вот, получай – легкая добыча...

Ты глядишь на меня – взгляд Есми это нечто особенное, все вы смотрите, как на последнюю надежду, а потом нападаете со спины, – а я... ну, не могу. Не голыми же руками тебя убивать. Черт, платье это... в горошек... Детское какое-то... И нечего так смотреть, хоть бы зажмурилась, что ли, даже приговоренным к расстрелу перед казнью мешок на голову надевают. Чтобы они не видели глаз палача. Или наоборот?

Беззвучно шепчешь одними губами. Разбираю почти машинально. Это несложно: «Со-ня. Со-ня».

И я не выдерживаю. Сам накрываю ладонью твое лицо. И делаю то, о чем ты просишь. Затягиваю петлю.

Изнанка. Я верю, что там лучше, чем здесь, на лицевой стороне. Потому что иначе давно бы сделал то же самое с собой.

Спи, спи спокойно... Уже все.

Бегом возвращаюсь к тому месту, где оставил мотоцикл. Внутри пустота, но это нормально.

Шарю по карманам в поисках ключей и только тогда понимаю, что до сих пор держу в руке обрывок веревки. Твою ж...

Тишину взрывает рев двигателя. Свет фар в спину. Очень надеюсь, что мимо, но не тут-то было. Мои желания редко исполняются.

Тормозят. Выходят. Пятеро. Черт принес, иначе не скажешь.

– Эй, пацан, ну-ка, сюда поди!

Музыку врубили, нарочно слепят дальним. Подхожу. Тот, кто позвал, ниже меня, но в плечах раза в два шире. Бритый череп, руки в карманах. Надо думать, у него там не телефон и бумажник.

– День, – говорит, – сегодня какой-то стремный.

– Хочешь следующий в больнице встретить? – ухмыляюсь я.

Оценили юмор. Гогочут так, что даже музыку заглушают.

– Ладно, – вдоволь насмеявшись, продолжает низкорослый. – Гони ключи от своей табуретки и проваливай отсюда на все четыре. Даже догонять не будем.

– Зато мне твое ведро даром не нужно, – отвечаю на его же языке. – Поэтому проваливай просто так.

Группа поддержки снова ржет хором. А этот прямо на глазах мрачнеет. Рычит:

– Ты че, пацан, неубиваемый? Да ты хоть знаешь, что я с такими делаю?

Я знаю другое. Что завтра для него не наступит. Ни для кого из них.

Он только думает о том, чтобы напасть, а я уже нападаю. Он только собирается вытащить из кармана руку с кастетом, а я уже слышу, как звякает, разматываясь, цепь. Привычная тяжесть в ладонях.

Шаг. Еще. Голова отключается. Тело знает, что делать дальше.

Я разбиваю фары их машины. Обе – одним ударом. Осколки пластика брызжут во все стороны. Свет гаснет. По контрасту темнота становится еще чернее. Музыка по-прежнему орет. Так интересней.

Я их вижу. Они меня – нет. Так тоже интересней.

Замах – бросок.

Воздух полнится ругательствами. Через секунду добавляются крики. Через две слышатся стоны и снова ругательства. Еще немного, и настанет тишина. Думаю только об этом. Внезапно резкая боль пронзает затылок. Как будто с высоты об асфальт приложился. Даже не помню, когда в последний раз страдал мигренью. Да никогда!

[Купить полную версию книги](#)